



## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА<sup>1)</sup>.

1841.

Въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца упалъ потолокъ. Я не говорю о томъ, что скоро, то не здорово, ни о томъ, какъ великъ убытокъ отъ этого разрушенія; я говорю о томъ, какой отвѣтственности подлежать эти осыпанные милостями строители? Ну, если бы это случилось, когда императорская фамилія, когда бы Царь находился въ залѣ! Надобно отнять у нихъ всѣ награды, предать суду по крайней мѣрѣ. Потомъ, какое должно быть нравственное впечатлѣніе отъ этого ужаснаго происшествія? Нельзя не войти въ положеніе Государя: дѣлаютъ не то, что и какъ онъ хочетъ. Вѣроятно, скроютъ отъ императрицы. Это срамъ, это непонятно! Государя вовсе не берегутъ.

\*

Я снова увидѣлъ княжну<sup>2)</sup>. Княжна уже княгиня. Князь А. П. О. сенаторъ Московскихъ департаментовъ, человекъ прекрасный, добрый и мягкосердный, есть вмѣстѣ одинъ изъ тѣхъ анахронистовъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ и которые, сидя въ курульныхъ креслахъ, представляютъ собою оппозицію совершающагося передъ ними движенія народной жизни и управленія. Онъ не противъ самаго движенія, онъ противъ двигателей и не по зависти или оскорбленному честолюбію, а по личнымъ отношеніямъ, стало быть человекъ какъ всѣ. Впрочемъ онъ бѣденъ, и потому не вельможа; государственнымъ человекомъ онъ никогда быть не могъ. Итакъ, лучшее въ немъ есть его жена, моя старинная знакомая (1828 года), женщина превосходная во всѣхъ отношеніяхъ. Она принадлежитъ къ тому незабвенному семейству, въ которомъ пять сестеръ, въ противоположность братьямъ, милыя, добрыя и умныя столько же, какъ и образованныя, поддерживали и блескъ и достоинство знаменитаго дома. Изъ всѣхъ сестеръ я зналъ двухъ, Вар-

<sup>1)</sup> См. выше стр. 333.

<sup>2)</sup> Княжну Наталью Петровну Оболенскую, сестру Декабриста. П. Б.

вару и Наталью и изъ двухъ, въ дѣтскихъ тайныхъ впечатлѣнїяхъ моихъ, сперва отдавалъ преимущество Варварѣ; остаюсь вѣренъ своему мнѣнїю, никому болѣе какъ бывшей княжнѣ Натальѣ. Она устарѣла въ княжнахъ и имѣетъ вовсе не ту участь, которую бы должна имѣть. Выйдя за стараго князя, старая княжна сдѣлалась молодою княгинею. Она вездѣ найдется. О, старое время, моя добрая юность! Нѣтъ, княжна, я не перемѣнился, я также люблю васъ.

\*

Въ послѣднее время толки о желѣзной дорогѣ въ Москву сдѣлались такъ общи въ Петербургѣ, что можно было думать объ общемъ убѣжденїи въ ея пользѣ или по крайней мѣрѣ ея исполнимости. Я не сомнѣваюсь въ возможности построить желѣзную дорогу даже въ Одессу, но по моему всякое подобное предпрїятіе (Всероссійское) преждевременно. Ни промышленность, ни общительность не нуждаются въ немъ; это доказано расчетами самихъ антрепренѣровъ, основывающихъ свои выкладки на умноженїи проѣзда и провоза, а не на суммѣ ихъ въ настоящее время. Итакъ, надобно сперва умножить производительность и потомъ уже думать о желѣзномъ пути. Здѣсь естественно рождается вопросъ: можно и полезно ли усиленное умноженїе производительности и общительности? Положительно, нѣтъ; ибо всякое умноженїе должно быть основано на требованїи, имъ вызываться, ему соотвѣтствовать. Во вторыхъ, мы для этого имѣемъ доказательство положительное не въ пользу предполагаемаго умноженїа: упадокъ цѣнности товаровъ и возвышенїе цѣнности денегъ отъ значительнаго усиленїа въ послѣднїа десяти лѣтъ производительности, зачѣмъ естественно слѣдовали несостоятельность и банкротство промышленниковъ. Что касается до умноженїа общительности, я вижу въ этомъ болѣе вреда, вреда политическаго и нравственнаго, нежели пользы, какой-нибудь пользы. Потомъ, у насъ есть дороги, шоссе и каналы, они недавно устроены, стоили огромныхъ суммъ, не окупились и должны упасть. Въ третьихъ, для желѣзной дороги нужны капиталы, матеріалы, строители, а у насъ есть только земли и работники. Если же скажутъ, у насъ есть капиталы и строители, я скажу: употребите ихъ не на столичный путь, а на развитїе благосостоянїа мѣстнаго, на улучшенїе способовъ естественныхъ, къ которымъ еще не коснулась рука человѣческая, а не на способы искусственные, въ которыхъ нація не должна бы собственно никогда нуждаться, или только въ такомъ случаѣ, когда народонаселенїе и требованїа его превышаютъ силы данной ему земли, какъ это въ Англіи, Бельгіи, Франціи и Голландіи. Куда мы торопимся? Къ собственной гибели. Нѣтъ, я не защитникъ желѣзной

дороги. Это скачокъ, а я люблю постепенность<sup>1)</sup>. Всѣ чудеса наукъ, все это развитіе матеріальныхъ силъ и природы и человѣка, усиливая жажду желаній, умножаетъ несчастье; ибо не въ силахъ земля удовлетворить всѣмъ усиленнымъ требованіямъ и, привлекая людей къ предметамъ наслажденія и наслажденія матеріальнаго, основаннаго на расчетахъ, на выигрышѣ, на обманѣ, отвлекаетъ взоры его отъ Неба и самосозерцанія, удаляетъ отъ дружбы, любви и искренности и заставляетъ нерѣдко забывать честь, добродѣтели и самое достоинство человѣка.

\*

Я провелъ нѣсколько вечеровъ у фрейлины Н. Я. Плюсковой. Это вѣчно заведенная говорящая машина, знающая многихъ, думающая знать все, презирающая тщеславіе, въ которомъ выросла и которому предана, въ ней много опытности, но для нея приложенія; въ ней есть и чувство, но нѣтъ для нея наслажденія. Она всегда одѣта, всегда занята, всегда равна, тихонько смѣется, легонько ропщетъ, понемногу сердится. Она двадцать лѣтъ жила въ Шепелевскомъ дворцѣ, она болѣе сорока лѣтъ фрейлиной; ей подъ шестьдесятъ лѣтъ, но она молода, терпѣлива и интересна. Я непременно долженъ быть у нея чаще.

\*

Перваго Октября (1841 года) я переѣхалъ на казенную квартиру въ казенный домъ, отдѣланную по моему вкусу, по моему средству.

Мнѣ рассказывали объ очень остроумной карикатурѣ на графа Канкринна, присланной къ нему, когда онъ сидѣлъ втроемъ съ Гессе и Кранигфельдомъ. Министръ представленъ съ зонтикомъ въ халатѣ и на с...ѣ, кругомъ его огромное блюдо съ червонцами, онъ глотаетъ ихъ пригоршнями, и изъ него сыпятся ассигнаціи и билеты<sup>2)</sup>. Къ этому молва прибавляетъ, что карикатура такъ понравилась старику, что онъ вызвался дорого заплатить ея автору, и на другой день авторъ, приславъ письмо, прося увѣдомить, какими деньгами угодно будетъ графу выдать награду: тѣми ли, которыя онъ пожираетъ или тѣми, которыя изъ него выходятъ.

<sup>1)</sup> Тѣхъ же соображеній, въ запискахъ поданныхъ императору Николаю Павловичу, держались министры Канкринъ и Толь. Сей послѣдній признавалъ полезною только желѣзную дорогу отъ Москвы до Севастополя, на который, писалъ онъ, прежде всего обратится зложелательство Западной Европы. (Слышано отъ его сына). П. Б.

<sup>2)</sup> Тогда ходили стихи Соболевскаго:

Канкрину Россія вѣрить,  
И несутъ ему сребро;  
Онъ за Русское добро  
Депозитомъ такъ и вѣтъ. П. Б.

\*

По прїѣздѣ В. Н. Вердеревскаго (бывшаго съ С. П. Шиповымъ въ Варшавѣ) я очень любопытствовалъ о положеніи края, о центральномъ, областномъ и повѣтовомъ управленіи и наконецъ о національности правителей. Я не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Не смотря на отмѣненіе конституціи послѣ бунта и военное охраненіе тишины и порядка, надобно полагать, что судъ и полицейское вѣдомство остались въ прежнемъ видѣ. Въ манифестѣ отъ 25 Января 1831 г. объявлено было, что „и по возвращеніи Россіи мгновенно отторгнутаго отъ него мятежниками края, будущая судьба его будетъ устроена на прочныхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Имперіи, и положенъ навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи“. По завоеваніи Варшавы и Польши дѣйствительно приняты были мѣры ко введенію въ недвижимое владѣніе государственныхъ земель окатоличенныхъ майоратовъ, къ образованію главнаго и областного правительства по примѣру Русскаго и къ замѣщенію правительственныхъ мѣстъ не Поляками. Приняты мѣры къ введенію и распространенію Русскаго языка, Русской системы народнаго просвѣщенія и наконецъ общей монеты. Важныя сіи преобразованія, въ ряду которыхъ, учрежденіе Варшавскаго Сената, общаются, съ новыми уложеніями суда, единообразное во всей Имперіи правосудіе. Я предоставляю себѣ заняться на досугѣ рѣшеніемъ вопроса: могутъ ли сіи преобразованія слить два племени, или образованнѣйшее должно по непремѣнному закону историческаго развитія, взять верхъ, и почему отъ всѣхъ Русскихъ въ Варшавѣ слышались жалобы, что Поляки имѣютъ преимущество и если не *de-jure*, то *de-facto*. Нельзя однако не припомнить, что еще при возстановленіи Польши въ независимое государство въ 1814 году умный дипломатъ \*) частію предвидѣлъ несообразность конституціоннаго учрежденія Польши, о которомъ такъ сильно просили Поляки на Вѣнскомъ конгрессѣ; предлагалъ порядокъ и мѣры устройства, къ которымъ нынѣ принимаемыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе.

\*

Замѣчательно мнѣніе Сперанскаго (въ 1822 году, послѣ Сибирскаго генераль-губернаторства) о самовластномъ Сибирскомъ генераль-губернаторѣ. „Власть личная удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ законныхъ участниковъ и по причинамъ ей давно извѣстнымъ, она не

\*) Поццо-ди-Борго. П. Б.

можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, огородить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія и гдѣ по недостатку дворянства и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ сильнѣе. Самое разстояніе усиливаетъ ихъ, ибо предполагается, что до высшей власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному на- выку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго, личнаго распорядка, вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года: жалобы и доносы. Если бы личная власть и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худыми намѣреніями. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣй- шимъ, наконецъ касаются и существа дѣла; и такимъ образомъ, по- ступая всегда по добрымъ побужденіямъ, испровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно". Тагъ отзывался онъ въ отчетѣ о ревизіи Сибири въ 1819 году, по которой обнаружено 630 человекъ виновныхъ въ злоупотребленіи власти, и представлялъ начертаніе правилъ къ будущему устройству Сибирскаго управленія, по разсмотрѣніи въ особомъ комитетѣ высочайше утвержденное въ Іюль 1822 г. Нельзя не отдать справедливости этому обширному прак- тическому уму. Образование управленія стройно опредѣлено и соот- вѣтственно для своего времени. Теперь не мѣшало бы убавить нѣ- сколько власти судебной у лицъ исполнительныхъ, дать побольше независимости власти блюстительной и усилить способы полиціи осо- бенно зимой, облегчая ея заботы лучшимъ устройствомъ и порядкомъ водворенія ссыльныхъ. Обширный и богатый, новый край Сибирскій требуетъ еще значительныхъ преобразованій; можетъ быть, удастся узнать его. Вообще бы мнѣ очень хотѣлось и нужно попутешествовать. При важности работъ по мѣсту мнѣ поручаемыхъ, это необходимо и имѣло бы для меня большую пользу. Иногда толкуешь о томъ, чего въ жизнь свою не видывалъ. Прямое опредѣленіе меня на мѣсто на- чальника Уголовнаго Отдѣленія можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, какъ трудно занимать выснія мѣста, не занимавъ низшихъ, и контролировать палаты и Сенатъ, не зная точно обрядовъ

даже ратушъ. Съ удовольствіемъ побывалъ бы я въ губерніяхъ Западныхъ, на Кавказѣ и въ Сибири.

\*

Графъ В. Н.\*) часто недоволенъ, требователенъ, хотя все это не мѣшаетъ намъ грѣшнымъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Это неудовольствіе и требовательность происходятъ сколько оттого, что мы, кажется, не въ состояніи выполнить его желаній, а самостоятельному уму хотѣлось бы все (имѣть) по своему, хорошо, отчетливо; столько и оттого, что молодой министръ и при томъ человѣкъ съ свѣтлыми понятіями, обширными свѣдѣніями и ревностью, съ самаго начала въ Комитетѣ и Совѣтѣ встрѣчалъ, какъ это бываетъ обыкновенно, на противорѣчіе противодѣйствіе, такъ что и тамъ и сямъ его постановленія подрываются, весьма часто измѣняются и даже отменяются. Такъ напр. о святотатцахъ, о Поповѣ, о 228 ссыльныхъ въ Комитетѣ; о контробандѣ, о Смигельской, о Лобыревѣ въ Совѣтѣ. Это по моему отдѣленію. Такая же участь, кажется, ожидаетъ и Л. А. Перовскаго. Старые министры не легко уступятъ первенство молодымъ и, дозволяя ломать старую колею, на каждомъ шагу затрудняютъ новый путь. Нѣкоторыя встрѣчи графа Панина съ гр. Бенкендорфомъ напр. о Зимицкой рѣшались довольно рѣшительно. Я ожидаю подобной встрѣчи при рассмотрѣніи свода степныхъ законовъ, который Совѣтомъ предварительно расхваленъ и расписанъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, что называется, въ грязь втопанъ. Посмотримъ.

\*

Вотъ инструкція штабъ-офицерамъ корпуса жандармовъ:

„Стремясь выполнить въ точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли Государя Императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратитъ особенное ваше вниманіе на могуція произойти безъ изыятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

---

\*) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи.

3) Прежде нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично списаться и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны; ибо цѣль вашей должности должна быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напр., дойдутъ-ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и другихъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добруму и довести ихъ на путь истины прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ приобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго, безгласнаго гражданина немедленно поставитъ подъ высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дѣлъ, сколько незаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ! Сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устроятся привести въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству Е. И. Величества!

На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени приобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего Государя.

5) Вы безъ сомнѣнія даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сырые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, немогущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о каковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія мнѣ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю Е. И. Величества отыскивать и отличать скромно и вѣрно служащихъ.

Вамъ теперь явно открыто, какую ощутительную пользу принесть точное и безпристрастное выполнение вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія, то конечно нѣтъ мѣры наказанія, какому подвергается чиновникъ, который, чего Боже сохрани и чего я даже и помыслить не смѣю, употребить во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ разрушить предметъ сего отеческаго Государя Императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.“

Нельзя не признаться, что учрежденіе корпуса жандармовъ, слѣдствіе обстоятельствъ въ началѣ царствованія, могло быть и дѣйствительно иногда полезно. Значеніе его въ первые годы было очень высоко; нельзя также не замѣтить, что главнѣе начальники, графъ Бенкендорфъ, А. Н. Мордвиновъ и всѣ чины корпуса въ секретной полиціи люди честные, благонамѣренные и дѣятельные. Но значеніе это, по волѣ Государя, мало-по-малу стало уменьшаться, и нынѣ вліяніе жандармовъ едва замѣтно. Самъ Государь не любитъ этого корпуса; медленность наградъ, общее отвращеніе отъ голубыхъ мундировъ и непривлекательность службы въ сущности ея суть причины невступленія въ корпусъ людей достойныхъ. Вначалѣ необыкновенное значеніе его подрывало мѣстную власть; всѣ шли, жаловались, клеветали на жандармовъ, которые вмѣшивались въ управленіе, въ судъ, даже въ дѣла духовныя, дѣла семейныя. Сибирскій генераль-губернаторъ жаловался на униженіе ими главной власти. Московскій генераль-губернаторъ, сколько могъ, противодѣйствовалъ имъ. Нѣкоторыя поспѣшныя распоряженія въ дѣлахъ цензуры, о взяточникахъ, о Жидахъ, любовныя интриги графа и Дубельта, вліяніе женщинъ, и наконецъ слабость шефа, коимъ руководили, какъ хотѣли, начальники Третьяго отдѣленія, были причинами нравственнаго упадка этого учрежденія. Очень часто шефъ вмѣшивался въ дѣла юстиціи и не рѣдко испрашивалъ, по дѣламъ гражданскимъ, такія повелѣнія, которыми явно нарушались коренныя правила и формы, какъ напр. о пересмотрѣ дѣлъ, между прочими дѣла Зимницкой, о которомъ графъ Панинъ входилъ къ Государю съ новымъ докладомъ. Лучше ли стали люди и не боятся надзора, или жандармы стали хуже; усилились ли другія управленія или ослабло высшее жандармское управленіе, достовѣрно то, что Третье Отдѣ-



леніе и штабъ занимаются не политическими дѣлами, а благотворительными, и думаютъ не о томъ общемъ благѣ, о которомъ писано въ инструкціи, но объ интересахъ частныхъ.

Крѣпостное право болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе правительства. Всякое дѣло о злоупотребленіи помѣщичьей власти останавливается на себѣ министра и Государя. Иногда мѣра наказанія усиливается (какъ напр. Осмигельскій) до чрезвычайной степени; но до сихъ поръ это право составляло предметъ сужденій большею частію въ уголовномъ отношеніи, въ договорномъ по штрафамъ и несостоятельности. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ личность крѣпостныхъ имѣетъ нѣкоторыя въ законѣ опредѣленія, имъ недостаетъ только прочнаго огражденія. Недавно разсматривалось въ Министерствѣ любопытное дѣло по жалобѣ бывшаго крѣпостного графини Остерманъ-Толстой переселенца Невѣрова\*). Онъ управлялъ имѣніемъ, но безъ довѣренности дѣлалъ съ крестьянъ сборы и занимался оборотами; помѣщикъ сослалъ его въ Сибирь. Недвижимое имущество ему не отдано (до ста т. р.). Придя на поселеніе, онъ прислалъ въ уѣздный судъ просьбу о возвращеніи ему его капиталовъ. Судъ отказалъ. Невѣровъ жаловался во всѣхъ инстанціяхъ, получилъ отказъ. По разсмотрѣнн дѣла въ общемъ собраніи и на консультаціи, одни полагали предоставить ему право иска, другіе нѣтъ. Министръ принялъ послѣднее мнѣніе, но редакція предложенія требовала большихъ усилій, даже изворотовъ. Графъ не хотѣлъ положительно сказать, что Невѣровъ не имѣетъ права иска по закону, какъ бывший крѣпостной, но потому, что распоряженіе о немъ помѣщицы основано не на одномъ произволѣ (какъ пишетъ Невѣровъ), а на дѣйствительномъ злоупотребленіи имъ властію управителя незаконными сборами, кои удостовѣрены губернскимъ чиновникомъ. Я полагалъ основать отказъ на томъ правилѣ, что графиня Остерманъ имѣла право разсудить и рѣшить дѣло между Невѣровымъ и его одновотчиниками какъ помѣщикъ, которому законъ предоставляетъ подобную расправу между крѣпостными. Но все это извороты, показывающіе, что законъ не хорошъ и требуетъ измѣненія. Эдакіе законы подмываютъ и право, и учрежденіе. Замѣчательныя слова Невѣрова, что помѣщики будутъ держать крѣпостныхъ до шестидесяти лѣтъ, пользоваться ихъ услугами, а потомъ отберутъ все, что они могли нажить своими трудами, и въ преклонномъ возрастѣ сошлютъ ихъ на прокормленіе и погребеніе снисходительнаго правительства. Повторяю: крѣпостное право требуетъ точнѣйшихъ опредѣленій. По-

---

\*) Имя, что не означено его имя. Не отецъ ли онъ достопочтеннаго Януарія Михайловича Невѣрова? П. Б.

пытки освободиться отъ него являются не рѣдко, желаніе не ново и, можетъ быть, самыя помѣщики частію приготовлены. При общемъ стремленіи опредѣлить все законами, облечь формами и отчетливостью, эта масса непремѣнно должна имѣть хотя какую нибудь организацію. Помѣщики господствуютъ, а не управляютъ; они пекутся, но не обезпечиваютъ. Имъ не дано даже права представительства, а дано полное право распоряженія. Власть ихъ ограничена, а крестьяне не имѣютъ права жалобы, ни суда, ни иска. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ будетъ возбужденъ еще нѣсколько разъ. Трудно, опасно оставлять его въ настоящемъ видѣ, хотя еще опаснѣе приступать къ рѣшительному, какъ думаютъ многіе, освобожденію столь многочисленнаго, не образованнаго и не устроеннаго народонаселенія, болѣе двадцати милліоновъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ классъ и винныя откупа мѣшаютъ должному благоустройству столь же многочисленнаго класса государственныхъ крестьянъ.

\*

Мать справедлива: мнѣ еще рано жениться, надобно побольше ума и опытности, побольше обезпеченія и какое нибудь значеніе. Если бы она знала мою суженую и ея семейство, она еще болѣе бы задумалась надъ моимъ вопросомъ. Нельзя не вѣрить матерямъ: матерямъ иногда дается провидѣніе. Но неужели и эта надежда должна разрушиться? Если не повѣрять, что это больно, повѣрять, что это досадно. Я далеко зашелъ и могу повредить молодой особѣ, но я сумѣю сгладить и оставить дѣло въ ожиданіи, не мѣшая другимъ, не отступая самъ.

\*

1842. Новый Годъ нашелъ меня не въ старомъ положеніи, я выросъ и постарѣлъ: приходятъ чести и почести, уходятъ здоровье и наслажденіе. Меня поздравляютъ съ праздникомъ, я долженъ сидѣть и сидѣть, не жалѣя о развѣздахъ. Ни одинъ годъ не приносилъ мнѣ такихъ существенныхъ выгодъ; мнѣ остается благодарить Бога за то, что есть, и стараться удержать занимаемое мною положеніе. Если министръ исходатайствуетъ мнѣ хотя тысячу рублей серебромъ, я рѣшусь оставить все и всѣхъ и уѣхать въ Эмсъ или Карлсбадъ.

\*

Я поправился отъ болѣзни и непримѣтно забылъ „Дни и Труды“ мои такъ, что нить ихъ перервалась, и я въ затрудненіи найти конецъ. Дѣло въ томъ, что положеніе мое противъ министра и моей министерши по видимому измѣнилось, и измѣнилось къ худшему. Въ душѣ я увѣренъ, что я войду въ свои права и стану твердою стопой. Такія временныя перемѣны весьма полезны для того, кто не хочетъ

играть жизнь и ждать смерти или спасения от случая, ошибки или недоразумения. Впрочем причину этой перемены, болѣе нежели другой кто, самъ я. Обиліе занятій требуетъ исключительнаго посвященія имъ времени, а важность ихъ особенной внимательности. Прибавьте къ этому редакцію министерскихъ бумагъ, деликатность отношеній и неопредѣленность въ ней докладовъ, и никто не усумнится, что нѣкоторыя удачныя работы мои, неумѣстная самонадѣянность и при ней поспѣшность должны были измѣнить къ худшему то выгодное положеніе, которое я незаслуженно занялъ при вступленіи въ министерство. Я это зналъ и видѣлъ. Я началъ сверху, а слѣдовало начать снизу, но къ чести моей долженъ сказать, что я не упалъ духомъ отъ этой перемены и увѣренъ, что она послужитъ къ существенной мнѣ пользѣ. Я служу восьмой годъ, служилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ провіантскомъ департаментѣ, гдѣ почти ничего не дѣлалъ, потомъ комисаріатскомъ, гдѣ совѣтъ ничего не дѣлалъ, и наконецъ въ департаментѣ юстиціи, гдѣ заваленъ работою. Такимъ образомъ я началъ службу, началъ учиться писать обрядныя; ничтожныя бумаги, будучи сдѣланъ Богъ знаетъ какъ и за что начальникомъ уголовного движенія; можно подумать, что я или имѣю большую протекцію, или знаменитый искатель. Посредственные люди говорятъ, что я пойду далеко; если бы они знали ходъ моей службы, они сказали бы: кто началъ службу начальникомъ отдѣленія, тотъ долженъ кончить ее по крайней мѣрѣ министромъ. Логика посредственности считаетъ ступени іерархіи сроками.

\*

Я наконецъ посѣтилъ Русскій спектакль; я хотѣлъ видѣть персоналъ, котораго не видалъ около двухъ лѣтъ съ половиною, и посмотрѣть пьесу Полеваго, котораго совершенно потерялъ изъ виду. Персоналъ тотъ-же. Мартыновъ совершенствуется, не оставляя впрочемъ грубыхъ фарсовъ, которые такъ любитъ Русская публика. Новая актриса Самойлова 2-ая общаетъ прекрасную милую артистку. Тоже новая Дюръ можетъ сдѣлаться отличною драматическою актрисою; она создана прекрасно, но мало выдержана, мало образована, въ ея движеніяхъ замѣтна Русская баба. Что касается до Полевого, онъ мало переѣнился: уменьъ, добръ, чувствителенъ, но при этомъ мало глубины, больше остроты, мало знанія, больше подражанія, мало изученія сцены и характеровъ, больше блеску и эффектовъ. Впрочемъ четвертый актъ Глинской имѣетъ эстетическое достоинство. Я не могу и здѣсь не сдѣлать замѣчанія, что Русская драма прежде была Французскою, а нынче грубою. При дворѣ господствовалъ строгій церемоніаль, и необузданность бояръ имѣла мѣсто въ частныхъ пирушкахъ,

много-много въ думскихъ, каверзныхъ спорахъ, но ни въ какомъ случаѣ не предъ царскими очами.

\*

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій снова беспокоитъ Государя о дозволеніи ему жить свободно, пріѣзжать и останавливаться въ столицахъ. Безъ сомнѣнія и эта просьба, даже подкрѣпленная ходатайствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, останется безъ послѣдствій. Замѣчательнъ этотъ человѣкъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и страстью къ сплетнямъ и интригамъ, своимъ разнообразнымъ умомъ и наконецъ своею перемѣнчивою судьбою. Онъ происходитъ изъ извѣстной дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой считается математикъ временъ Петра Перваго. Сперва онъ служилъ въ гвардіи, потомъ преобразованіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, начальникомъ отдѣленія и здѣсь сблизился со Сперанскимъ, черезъ котораго въ скоромъ времени былъ назначенъ ст.-секретаремъ въ Государственный Совѣтъ; занимаясь „учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи“, имѣлъ личный докладъ и, говорятъ, докладывалъ прекрасно. По страсти къ интригамъ и близкимъ связямъ со Сперанскимъ онъ долженъ былъ раздѣлить его опалу и былъ отправленъ въ Вологду, отсюда опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ, а потомъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Искательство привело его самого въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ членомъ Комиссіи Училищъ и вскорѣ потомъ попечителемъ Казанскаго округа, въ этомъ качествѣ онъ ревизовалъ Пензенскую гимназію въ 1824 году, гдѣ я видѣлъ его лично, бывши ученикомъ перваго класса. Онъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на двѣнадцатилѣтняго школьника; въ фізіономіи его, казалось, было множества ума и могущества, въ движеніяхъ и положеніи свобода и даже вольность господина. Я какъ сейчасъ помню выразительное лицо его. Въ 1826 году онъ высланъ былъ изъ Петербурга въ Казань, а изъ Казани переведенъ въ Ревель. Въ 1834 году я видывалъ его въ Москвѣ. Это уже былъ не Магницкій 1824 года, но старецъ добрый, сильный, съ эпиграммой на современника, съ сердцемъ на прошедшее и еще съ надеждою на будущее. Отсюда онъ переѣхалъ въ Одессу и наконецъ въ Херсонъ. Вездѣ этотъ человѣкъ порождалъ ссоры и неудовольствія, вездѣ искалъ господства проницательствомъ и вмѣшательствами, обносилъ и чернилъ, чтобы выказать свою дѣятельность, былъ жестокъ, чтобы показаться правосуднымъ. Онъ не разлученъ съ системою наущничества и оклеветаній. Вездѣ не любимый, не оставивъ нигдѣ добрыхъ слѣдовъ, онъ постоянно вопіялъ противъ злоупотребленій, ропталъ на недостатокъ способовъ и жаловался на враговъ; друзей онъ никогда не могъ имѣть. Ученое обра-

зованіе имѣлъ онъ поверхностное, но отлично образовался практикой, и я вѣрю, что онъ былъ прекрасный редакторъ и докладчикъ.

\*

Очень много говорятъ о свободѣ крестьянъ. Говорятъ, что этого твердо желаетъ Государь; говорятъ, что нынче, 30 Марта, даже назначено для этого въ его присутствіи засѣданіе Совѣта. Думаю, что слухи, какъ всегда, преувеличены; по мнѣнію моему, не осторожно давать даже поводъ подобнымъ слухамъ. Масса крѣпостныхъ и есть безмысленная чернь, которая такъ ничтожна, что всякая переменна, хотя бы путемъ преступленія и наказанія, для нея есть выигрышъ, приобрѣтеніе высшихъ правъ. И вотъ наконецъ (2-е Апрѣля) вопросъ этотъ разрѣшился высочайшимъ указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ для обязанныхъ крестьянъ, увольняемыхъ изъ крѣпостного права безъ земли. Находятъ, что странный этотъ указъ, разосланный при еще болѣе странномъ циркулярѣ, есть мѣра не осторожная, надѣлаетъ болѣе шума, нежели пользы и удобнѣе могла бы быть приведена въ исполненіе простымъ формальнымъ поясненіемъ статьи Свода въ Сенатскомъ указѣ. Я не совѣмъ согласенъ съ этимъ. Слухи о предположенномъ освобожденіи крестьянъ были общіе и довольно громкіе. Безъ сомнѣнія предположеніе, давшее поводъ къ симъ слухамъ, было обширнѣе нежели этотъ указъ, состоявшійся послѣ двухъ засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи Государя. Слухи и толки эти должны быть разрѣшены высочайшимъ указомъ, а не сенатскимъ, котораго бы никто не замѣтилъ. Во-вторыхъ, сенатскій указъ никогда бы не имѣлъ такого вліянія на дѣло, какъ этотъ именной, въ которомъ опредѣленно выражена цѣль правительства и притомъ воля Государя, непосредственно имъ самимъ объявленная, во всеобщее свѣдѣніе. Въ третьихъ, указъ этотъ, какъ ни ограниченно содержаніе его, въ существѣ своемъ оглашаетъ важныя начала въ нашемъ законодательствѣ и, можетъ быть, приготавливаетъ къ мѣрѣ рѣшительной, но за симъ указомъ, не столь уже рѣзкой, какъ показалась бы она безъ сего указа, именно увольненіе крестьянъ не по волѣ помѣщиковъ, но непременно въ извѣстные сроки, на извѣстныхъ условіяхъ. Вольная мѣра теперь легко можетъ быть сдѣлана обязательною, если не прямо, то сперва съ нѣкоторыми поощреніями, какъ напр. уменьшеніемъ казеннаго долга, а по незаложеннымъ имѣніямъ выдачею нѣкоторой возмездной суммы. Стоить только начать какому-нибудь Бобринскому, Воронцову, стоить только составить условія опредѣлить новое положеніе крестьянъ и отношенія земской полиціи, мѣра эта двинется быстро, распространится, разовьется и сама собою легко можетъ сдѣлаться общою такъ, что прави-

тельство будетъ въ необходимости придать ей этотъ характеръ. Подождемъ \*).

\*

Много смѣшного говорятъ о наградахъ, особенно о синей лентѣ директора театра Геденова (бить давно, все краснѣль и посинѣль только нынче) и о графствѣ Д. Н. Блудова, отъ котораго у Хитрова и Уварова на сердцѣ кошки скребутъ.

\*

Моя поѣздка, кажется, рѣшена. Министръ согласился, и нынче послано въ Комитетъ представленіе. Мнѣ назначается вспоможеніе 600 руб. сер. и отпускъ на четыре мѣсяца. Кажется, можно будетъ устроить поѣздку. Какъ я предполагаю путешествовать въ маленькихъ городкахъ и по нижнимъ слоямъ, то надѣюсь съ этими деньгами, съ займомъ у моего Димпнера, совершить поѣздку даже роскошно. Прощай же мое великое отечество! 22 Іюня 1842 г. Понедѣльникъ.

\*

22 Октября 1842 г., стало быть ровно черезъ четыре мѣсяца, я возвратился въ Петербургъ, объѣхавъ почти всю Европу. Здравствуй же, мое великое отечество! Я нашелъ все въ хорошемъ положеніи. Министръ, директоръ и отдѣленіе даже обрадованы моимъ пріѣздомъ.

\*

У Перевощикова умерла старшая дочь Пистолькорсъ, и старикъ глубоко пораженъ своимъ несчастіемъ. Жаль мнѣ добраго человѣка Василя Матвѣевича, онъ не удачно провелъ жизнь свою и несчастливъ въ семействѣ. Когда и гдѣ я родился? Перевощиковъ подарилъ мнѣ нѣкоторыя письма моего отца. Въ одномъ изъ Валяевки, 12 Іюня 1812 г. отецъ пишетъ: „я пріѣхалъ въ Пензу 12 Іюня прошедшаго года, проживъ мѣсяца четыре съ тестемъ... (это въ Знаменскѣ); коль вы любопытны, скажу вамъ, что у меня три сына: Константинъ Мурашевскій, Леонидъ Миритиницкій, Касторъ Знаменскій, всѣ молодцы, честные и собою хорошенькіе“. Изъ этого я долженъ заключить, что я родился въ Знаменскѣ въ Іюнь—Сентябрь 1811 года.

\*

Какъ усиленно работаетъ надъ подмостками, подставками и подпорками наше правительство. Оно какъ бы задачу себѣ задало, придумать администрацію и судъ, запутаннѣе котораго и быть нельзя. Ин-

---

\*) Замѣчательно, что иностранные журналы столкнулись въ толкахъ объ этомъ указѣ съ нашею чернію, а можетъ быть и съ правдой. Народъ утверждаетъ, что Государь хочетъ дать волю, да дворяне не хотятъ и что указъ писалъ Государь, а объявленіе (циркуляръ) Перовскій.

станція надъ инстанцією, ручательство за ручательство; инстанціи парализуютъ ходъ дѣлъ, а ручательства парализуютъ истину. Дѣла волочатся, судъ умничаеть: такъ трудно поддержать несправедливое, ложное положеніе. Не скоро подобный механизмъ можетъ быть, развитый до высочайшей степени, доведенъ до нѣкотораго совершенства; но это будетъ тогда, какъ въ него потеряютъ всякую вѣру. Теперь его терпятъ въ надеждѣ, тогда его бросятъ отъ досады и скуки. Матеріально вредно это для государства, ибо стѣдитъ огромныхъ суммъ; вредно нравственно, ибо лишаетъ правительство довѣрія. Мы имѣли въ послѣдніе годы большіе общественныя несчастія: холера, пожары. Чтò дѣлалъ народъ, къ кому обращался онъ? Онъ буйствовалъ, терзалъ невинныхъ; не повиновался правительству. Въ Кузнецкѣ почти осадили судъ, въ Симбирскѣ бросили въ огонь помѣщиковъ и исправника, рвали Жидовъ, медиковъ, въ Старой Руси перебили офицеровъ. Бунты эти ничтожны, неопасны: въ Кузнецкѣ пошлютъ Перфильева, въ Симбирскѣ проѣдетъ Комаровъ, въ Старую Русь прискачетъ самъ Государь; но бунты эти доказываютъ, что къ правительству не имѣютъ довѣрія. Ваши инстанція и ручательства тутъ не помогутъ, вы и сами отмѣняете ихъ: давай военно-судебныя комиссіи, давай экзекуцію! Эти бунты нынѣ являются чаще и подъ незначительными предлогами. Тамъ отъ принужденнаго посѣва картофеля вы издаете повелѣніе сѣчь не сѣющихъ картофель; тамъ отъ введенія запасныхъ магазиновъ и общественной запашки вы усиливаете мѣры строгости, а тамъ отъ пожаровъ или поджоговъ вы приказываете судить военнымъ судомъ и выставляете строй шести тысячъ. Какая-то потѣха видна въ этихъ волненіяхъ, какое-то отчаяніе видно въ вашихъ строгихъ мѣрахъ. Хуже. Прежде шумѣла и бурлила чернь, теперь волненіе принимаетъ болѣе правильный видъ, и вамъ уже актами доказываютъ, что не имѣютъ къ вамъ довѣрія, что, если вы не сведете сами вашихъ предпоставленныхъ, ихъ сведутъ. Такъ въ Казани и Перми свели полицейместеровъ. Въ Перми собралось общество купцовъ и гражданъ и постановило актъ объ удаленіи полицейместера. Хуже. Прежде народъ, не имѣя довѣрія къ временнымъ властямъ, искалъ подпоры и утѣшенія въ Небѣ, у властей святыни. Вы хотите поставить православіе, прежнее терпимое православіе краеугольнымъ камнемъ и въ глазахъ этого православія обдираете католицизмъ, чистите унію и душиите раскольниковъ въ Иргизѣ, въ Кременчугѣ, у Дерпта. Ни католикъ, ни уніатъ, ни раскольникъ не имѣютъ свободы совѣсти. Ксендзы притворствуютъ, епископы—подличаютъ, храмы Божіи перекрещаются. Самый православный въ виду такого соблазна теряетъ вѣру и къ своей церкви, смотря какъ изъ нея сдѣлали пьедесталъ мірскаго могуще-

ства. Я не скажу этого, это слишкомъ рѣзко. Я скажу, что и по моему мнѣнію есть важныя уклоненія отъ пути добраго, настоящаго; но я скажу также, что виною этого не Государь, а его министры. Ансельмъ сказалъ, и сказалъ справедливо, что монархіи погибають не отъ царей, а отъ министровъ. Надобно, чтобы министры не были государями, чтобы губернаторы не были министрами, чтобы секретари не были губернаторы; наконецъ, чтобъ всѣ они не были машины, гербовыя бумаги, титуль, по закону, кому слѣдуетъ, отъ сего дѣла особо, справка,—а въ самомъ дѣлѣ буква, придирка, вымогательство.

\*

Я довольно долго говорилъ съ М. П. Позеномъ о дѣлахъ. Говорятъ, что онъ перекрещенный Жидъ. Онъ женился на сестрѣ какого-то квартальнаго и былъ очень бѣденъ. Служилъ по департаментамъ просвѣщенія, разныхъ податей сборовъ и тогда уже мелкій чиновникъ, по выраженію покойнаго Карнѣева, мѣтилъ въ министры. Случай свелъ его съ Чернышевымъ, онъ перешелъ къ нему, и прекрасному уму открылся широкій путь. Скоро онъ взялъ въ свои руки законодательную часть Военнаго Министерства изъ 1852 года, въ качествѣ старшаго чиновника военно-походной канцеляріи, прибрѣлъ обширное вліяніе, сдѣлался извѣстенъ Государю, бралъ по пяти наградъ въ годъ и преобразовалъ составъ и военное хозяйство. Онъ работалъ много и работалъ прекрасно; свѣтлый умъ обнималъ скоро и вѣрно, опытная рука излагала отчетливо и изящно. Военное Министерство многимъ ему обязано. Говорятъ, что онъ нечистъ; эти слухи могли быть впрочемъ разглашены завистью. Несомнѣнно однако, что теперь онъ очень богатъ. Распространившіеся слухи объ участіи его въ провіантскихъ операціяхъ и даже жалобы на эти операціи дошли до Государя. Поздно немного. Онъ опустился и примѣтно показываетъ удаленіе, впрочемъ мнимое, отъ дѣлъ и вліянія. Его поднялъ Кавказъ. Теперь онъ статсъ-секретарь по дѣламъ Закавказскаго края. Онъ потерялъ въ обширности круга дѣйствій, но выигралъ въ самостоятельности. Онъ сидитъ съ министрами и думаетъ, какъ бы самому быть министромъ.

\*

Я читалъ Чичикова или „Мертвыя Души“ Гоголя. По содержанію и связи повѣсти или поэмы, это вздоръ, сущій вздоръ, небылица; но по подробностямъ, по описанію портретовъ, это замѣчательное произведеніе; вѣрность ихъ несомнѣнна. Это Русскіе люди, Русскіе привычки, манеры и рѣчи подмѣченныя острымъ, зоркимъ умомъ Русскимъ. Типъ за типомъ, картина за картиной; слогъ очень небреженъ, но это послѣднее дѣло, читается не отрываясь. И тепло, и плотно, я не могъ до сыта нахотаться, читая о Селиванѣ, Ноздревѣ, Коробочкѣ,



Собакевичъ,—эти провинціальныя сплетни, этотъ губернаторскій балъ и этотъ разсказъ о Копѣйкинѣ. Вѣрно, умно. Но нельзя не замѣтить скрытной мысли автора: онъ пародируетъ современный порядокъ, современный классъ чиновный, онъ не совсѣмъ правъ и мѣстами немного дерзокъ. Это портитъ вкусъ. Къ сожалѣнію, подобныя пародіеры мало знаютъ наше управленіе и еще менѣе причины его недостатковъ; они говорятъ: мы не знаемъ, отчего это дурно. Жаль. А знай, они могли бы принести пользу своими критиками.

\*

6 Декабря 1842 г. Вотъ вышелъ новый наказъ главному Закавказскому управленію. Году не прошло, какъ понадобилось новое положеніе, оно тоже работы Позена и носить на себѣ слѣды, хотя весьма немногіе, мѣстнаго обзрѣнія; но оно важно многими измѣненіями. Главныхъ два: усиленіе власти главнокомандующаго и обращеніе вниманія на мѣстныя особенности. Обязательность общихъ законовъ и общихъ мѣръ въ краю не опредѣлена, отношенія гражданскаго начальника къ главному управляющему и положеніе директора спутано и сбивчиво. Но въ этомъ наказѣ довольно ясно выражено прекрасное правило, чтобы въ управленіи полицейскомъ и вообще гражданскомъ и при сборѣ податей было какъ можно менѣе чиновниковъ. Иногда наказъ трактуетъ главное управленіе, какъ школьниковъ, запрещая вдаваться въ тщетныя умозрѣнія или стѣсняться принятыми въ Европѣ системами. Вообще онъ носитъ печать поспѣшныхъ соображеній, ловкой самостоятельности и звонкой редакціи.

Кончается годъ замѣчательнымъ для меня путешествіемъ по Европѣ. Положеніе мое не измѣнилось, оно утверждается. Дай Богъ міру мира. Россіи устройства, Царю здоровья и всѣмъ временъ лучшихъ. 29 Декабря 1842 года.

\*

Важныя измѣненія готовятся въ нашемъ отечествѣ, правительство серьезно начинаетъ думать о народныхъ нуждахъ, хотя до сихъ поръ (и можетъ быть, къ будущему благу) подчиняетъ эти нужды государственному единству. Отъ сюда два господствующія начала нашей государственной жизни: соглашеніе такъ называемыхъ, особыхъ правъ съ общимъ и усовершеніе общихъ правъ учрежденій точнѣйшимъ ихъ развитіемъ, опредѣленіемъ и расширеніемъ. Если бы послѣднее начало было первымъ, успѣхи были бы быстрѣе и общѣе. Соглашеніе общихъ правъ и сближеніе автономическихъ провинцій съ Имперіей продолжается. *Финляндія* осталась одна неприкосновенною, одно обстоятельство—это уравненіе служебныхъ правъ Финляндцевъ съ нашими. По порядку суда и расправы особыя правила очень похожи

на конвенцію. Въ системѣ народнаго просвѣщенія, части регальной и коммерческой продолжались прежнія мѣры; сколь ни слабы онѣ, особенно относительно другихъ странъ, они постепенно сближаютъ жителей, чему въ особенности способствуетъ близость столицы и квартированіе войскъ въ Великомъ Княжествѣ. Но Финляндія все еще смотритъ Швеціей, молчаливый характеръ обитателей сохраняетъ свою оригинальность и, не смотря на смежность, сношенія производятся все еще чрезъ министровъ и помощниковъ генераль-губернатора. Здѣсь нельзя не замѣтить, что Финляндія не рѣдко служитъ мѣстомъ ссылки. *Остзейскія* губерніи провинціи, незаслуженно пользуются особыми правами; они приобрѣли ихъ по капитуляціямъ, они рѣшительно потеряли ихъ при Екатеринѣ Второй; они пользуются ими подъ условіемъ, что сіи права не противоположны основнымъ законамъ Имперіи. Во всякомъ случаѣ нашъ Сводъ имѣетъ силу помогательнаго права. Но Остзейцы такъ давно пользуются своими правами, высшій классъ такъ отличенъ отъ Русскихъ, и вообще Нѣмецкое вліяніе такъ сильно, что особыя права эти укоренились и, за недостаткомъ неопредѣленности, подробности и увѣренности, установились въ своихъ формахъ. Послѣднее время три замѣчательныя попытки были сдѣланы, или предположены: Русская грамота усилена, владѣніе крестьянами, такъ называемыми вольными, оказалось не такъ хорошо, какъ думали, и значительные переходы изъ Остзейскихъ деревень показываютъ неудовлетворительность крестьянскаго положенія. Неопредѣленность закона потребовала составленія свода. Не знаю, почему, этотъ сводъ до сихъ поръ не издается. Между тѣмъ Остзейцы не перестаютъ роптать на нарушеніе ихъ правъ, просятъ объ учрежденіи собственнаго высшаго суда, собираются на сеймъ въ Ригѣ и по выраженію императрицы Екатерины все въ дѣль смотрятъ. — *Польша*, можно сказать существуетъ на прежнемъ положеніи. Европейская образованность въ ней такъ усилилась, что завоеватели должны были поддаться завоеваннымъ. Русскій языкъ въ Польшѣ сдѣлалъ менѣе успѣховъ нежели можно было бы предполагать по двѣнадцатилѣтнимъ усиліямъ. Многие приняло Русскія названія, Сенатъ, обводы, станы, всѣ высшія мѣста заняты Русскими, сношенія начинаются, мѣстъ и лицъ непосредственныя, по-русски и по-польски, уголовное уложеніе составляется въ Петербургѣ, Поляки ссылаются въ Сибирь, ксендзы образуются въ Петербургѣ, гдѣ ихъ главное управленіе католицизма.

\*

Въ Государственномъ Совѣтѣ есть особый департаментъ для дѣлъ Царства, нельзя чтобы Русское вліяніе не имѣло дѣйствія, какъ не сильна польская особенность, но качество здѣсь должно уступить коли-

честву. Поляки и Европа ропщутъ на стѣсненія и гоненія католицизма, здѣсь собственно приняты были три правила. Для единства дѣйствій пресѣчены непосредственныя сношенія съ папой и религіи наименѣе оставлено политическаго значенія, особенно послѣ революціи 1830 года, въ которой духовенство принимало сильное участіе, во-вторыхъ, гражданское значеніе католицизма подчинено православію—это смѣшанные браки; и въ третьихъ, имущества католической церкви подведены подъ одно управленіе съ имуществами церкви господствующей. Возсоединеніе унией было тоже мѣрою политической, стало быть дало поводъ къ новому ропоту.—Губерніи западныя удерживаютъ такія особенности, на мѣстѣ которыхъ и общія права сдѣлались бы особенными. Тоже губерніи *Малороссійскія* и *Новороссійскія*, введеніе общаго порядка въ губерніяхъ западныхъ безъ сомнѣнія произвело много путаницы, разборъ шляхты, подлоги въ актовыхъ книгахъ, требовали новыхъ усиленныхъ распоряженій. Въ минувшемъ году состоялись положенія о заставныхъ листахъ и о городѣ Ригѣ, о записяхъ въ губерніяхъ Литовскаго Статута и о Господарскихъ грамотахъ въ Бессарабіи. Кавказъ до сихъ поръ не усмирень.—Великое царство Сибирское доселѣ сохраняетъ положеніе, написанное Сперанскимъ, оно требуетъ немногихъ, но существенныхъ дополненій. Тамъ теперь два генераль-губернатора. Князь Горчаковъ человекъ умный, но заносчивый, онъ взялъ себѣ за правило отражать министерства и охранять неприкосновеннымъ положеніе 1822 года. Правда онъ его жарко защищаетъ, да немного въ томъ толку. Другой генераль-губернаторъ Рупертъ. Имъ вообще чрезвычайно недовольны. Сибирское управленіе дополнено положеніемъ 12 Іюля 1840 года. Говорятъ, что оно очень дурно.

\*

Что вы ни выдумываете мудрые люди, все это не прочно, не вѣрно и потому только хорошо, что выдуманно впадать, къ стати. Основа, начало и конецъ были и будутъ въ природѣ. Изъ естественнаго общества сдѣлали искусственное, и для поддержанія этого выдуманнаго искусственнаго порядка придумываемъ порядокъ фиктивный. Часто въ газетахъ печатается: въ такомъ-то имѣніи или тамъ-то отпускаются въ услуженіе люди крестьяне и пр., говорятъ, что подъ этимъ предлогомъ люди продаются, хотя законнымъ порядкомъ, продажа эта и не можетъ совершаться. Надобно узнать, какой актъ служитъ огражденію приобрѣтателю. Едва-ли. Это продажа вмѣсто рыночной отмѣненной Александромъ, и продаютъ на выборъ. Со мною въ домѣ на Сѣнной случилась такая исторія у Каленковскаго. Говорятъ, что можно какимъ-то окольнымъ путемъ приобрѣсти крѣпостного отдѣльно отъ семейства, хотя законъ это положительно запрещаетъ. Отдача въ услу-

женіе безъ контракта и безъ паспорта, невольная кабала. Часто помѣщикъ отпускаетъ человѣка по оброку, человѣкъ нанимается и довольно выгодно въ годъ, помѣщикъ требуетъ его къ себѣ и этимъ требованіемъ вымогаетъ отъ него какую-нибудь сумму, сдѣлывается и отмѣняетъ требованіе.

\*

Бываютъ минуты, хочется бросить все, удалиться и отказаться даже отъ прекрасныхъ полезныхъ занятій моихъ. Скучно, грустно! Медленность убиваетъ интересъ занятій, недостатокъ довѣрія и ходъ по инстанціямъ раздражаютъ душу, холодность къ важному дѣлу уменьшаетъ охоту, теперь же мнѣ данъ вице-директоромъ Михаилъ Акимовичъ Рюминъ. Человѣкъ прекрасный, мягкій и добросовѣстный, но мягкій и медленный до чрезвычайности, его поражаетъ не ложь и не истина, а странность, случайность, онъ къ ней привяжется, забудетъ главное и подъ предлогомъ поясненія или возбужденія придуманнаго имъ вопроса, упуститъ настоящее дѣло. Графъ имѣетъ прекрасную привычку, подробно и самостоятельно разсматривать дѣла. Желательно бы было видѣть эту привычку вмѣстѣ съ различеніемъ дѣлъ, важныхъ отъ ничтожныхъ. Впрочемъ онъ, кромѣ независимаго и подозрительнаго характера, связанъ по рукамъ и по ногамъ, жаль мнѣ разстаться съ такою умною головою. А скучно, иногда очень скучно! Вздоръ, малодушество тяготится временными неудобствами, когда есть надежда и увѣренность, что труды полезны и впоследствии пройдетъ и самая скука. Графъ много сдѣлалъ для меня. Буду терпѣть!

\*

На возвратномъ пути изъ Варшавы, и ѣхавши въ дилижансѣ, познакомился я съ Французскимъ путешественникомъ Charles Rollin, это молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, хорошо образованный, умный и даже ученый, не дурень собою, съ пріятными талантами, много видѣвшій и ѣздившій. Мнѣ онъ понравился, по положительнымъ свѣдѣніямъ въ Латинскомъ, Греческомъ и даже въ наукахъ естественныхъ, онъ не такъ болтливъ, менѣе другихъ суетенъ, довольно обстоятеленъ въ системахъ и серьезенъ по характеру. Мы съ нимъ сошлись и знакомство наше до сихъ поръ продолжается. Не понятно только было мнѣ, зачѣмъ онъ ѣдетъ; изъ многихъ разговоровъ, замѣтилъ я, что онъ не безъ хвастовства, очарованный моимъ отечествомъ, я рѣдко найду человѣка, который бы сталъ со мною въ томъ спорить, и Rollin согласался со мною въ этомъ не потому, что и онъ такъ думаетъ, но для того, чтобы не спорить и (какъ говорятъ у нихъ) не выводить дурака изъ заблужденія, по нѣкоторымъ словамъ его я замѣчаю, что онъ ищетъ мѣста при какомъ-нибудь вельможѣ—секретаря, частнаго секре-

таря или учителя съ огромнымъ содержаніемъ, или компаніона, или наконецъ искренняго друга старика, старухи или молоденькой дамы— онъ ищетъ по-моему пустого мѣста. Во Франціи, вообще на Западѣ имѣютъ о насъ мелочное понятіе. Они убѣждены, что мы готовы очень дорого платить за вздоръ, за удовольствіе, за иностранцевъ и въ иностранныхъ земляхъ, это было, но этого теперь уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ было прежде. Они думаютъ, что у насъ нѣтъ закона: все дѣлаютъ, государь и вельможи. Такъ думалъ и Charles Rollin можетъ быть онъ одумается.

\*

По дѣлу о дворянинѣ Страдомскомъ (1842 года № 11697), замѣчательна пасквильная записка, названная „Истинный видъ нынѣшняго времени“, обличающее сотерическое воззрѣніе Русскаго грамотея. „Грѣхъ скончался, правда—сгорѣла, благость вышла изъ свѣта, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, благодѣяніе подъ арестомъ, помощь въ домѣ сумасшедшихъ, истина погребена, кредитъ сдѣлался банкротомъ, совѣсть съ ума сошла, судья правосуденъ на безмѣнѣ, вѣра осталась въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ, любовь больна простудою, вѣрность у аптекаря на вѣсахъ, честность вышла въ отставку безъ мундира, кротость при дракѣ всегда на съѣзжій, законъ на пуговицахъ въ Сенатѣ. Терпѣніе скоро лопнетъ, 9 Мая 1840 года“. Подсудимый отозвался, что пасквиль этотъ оставленъ у него дьячкомъ Чернышевымъ. Жаль, что объ этомъ не разыскано.

\*

Нельзя не порадоваться назначенію Перовскаго министромъ и предпринятымъ имъ преобразованіемъ по важнѣйшему министерству. Онъ взвѣсилъ хлѣбъ, далъ волю мелкой торговлѣ, оцѣнилъ гроба, принимается за аптеки, преобразовалъ управу, ревизуетъ губернаторовъ, пробирается къ земской полиціи, рассматриваетъ городскіе доходы и пр. Принимаемая имъ мѣры просты и прямы, происходящая отъ нихъ польза ощутительна. Дай Богъ ему продолжительной жизни, терпѣнія, удачи и хорошихъ сотрудниковъ.

\*

Бывшій директоръ канцеляріи и правая рука военнаго министра князя Чернышева, ст. секретарь Брискронъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера—вывѣрять собственные свои (какъ правители дѣлъ военнаго совѣта) и прежняго начальника своего дѣйствія и счета по милліоннымъ операціямъ военнаго министерства. Говорятъ, что это сдѣлали графъ Клеймихель, чтобы удружить Чернышеву и князь А. О. Голицынъ, чтобы избавиться опаснаго соперника. Я ду-

маю, что это сдѣлалъ самъ Государь: Хитровъ старъ, Карнѣевъ у него умираеть, контроль плохъ. Можетъ быть впрочемъ при этомъ были въ виду и князь Чернышевъ и ст. секретарь Позень и самыя способности Брискорна.

\*

Н. И. Пуцинъ принадлежитъ къ хорошей Русской фамиліи, сынъ генераль-лейтенанта, (кажется изъ морскихъ) умершаго въ 1842 году сенаторомъ; онъ учился въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ съ братьями своими заключилъ прочную дружбу съ Безстужевыми и другими. Моряки дружны, постоянны и прямы. Я узналъ его ближе за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Министерствѣ Юстиціи. Съ перваго шага Н. И. Пуцинъ не оставилъ выказать главное правило своихъ дѣйствій и образа мыслей: я служу потому, что нужно жалованье, я частный человѣкъ и для службы, для правительства не намѣренъ жертвовать ни моими убѣжденіями, ни моими привычками, ни моими связями. Такъ какъ онъ говоритъ это часто, при всякомъ удобномъ случаѣ, по-видимому онъ не измѣняетъ силъ правиламъ, но едва-ли это вполнѣ такъ. Въ Іюль 1842 года, ему дано было важное порученіе обозрѣть наказательное учрежденіе въ Сибири. Прежде онъ докладывалъ дѣла на консультаціи и участвовалъ въ кое-какихъ дѣлахъ при слѣдствіи, ревизіяхъ и пр. Я ничего не знаю изъ работъ его, а изъ словъ его узнаешь мало. Отличную сторону его характера составляетъ прямота, благородство и отвращеніе отъ всякихъ мелочей. Л. А. Перовскій видѣлся съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Сибири, слушалъ его рассказы и (какъ говорилъ мнѣ Н. И.) предлагалъ ему мѣсто губернатора въ Сибири. При недостаткѣ административной практики, едва-ли въ немъ будетъ довольно ловкости, расторопности и рѣшительности. И едва-ли не лучше ли ему быть членомъ коллегіи.

\*

Я часто ропщу на неудовлетворительное положеніе нашего уголовнаго правосудія. Я нахожу, что я правъ въ одномъ: у насъ нѣтъ *правосудія*, а есть судъ, постигающій тѣхъ несчастныхъ, которыхъ предають въ сердцахъ, не нарочно отъ нечего дѣлать. Настоящихъ мерзавцевъ судъ постигаетъ рѣдко, и если постигаетъ рѣдко, имъ не удается вывернуться, а что касается до низшаго класса, то едва ли для него существовать можетъ правосудіе и наказаніе въ настоящемъ смыслѣ словъ сихъ. Нельзя собственно право судить ихъ: они въ ложномъ неестественномъ положеніи; нѣтъ дѣйствительныхъ наказаній, ибо участь ихъ едва ли не хуже той, какая ожидаетъ ихъ по наказанію. О, мой Богъ, мой Богъ, какое у насъ правосудіе! Не могу ни замѣтить при этомъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ правосудій самое

худшее Австрійское. Наше хуже даже Австрійскаго, хотя имѣть съ нимъ общее то, что инстанціи парализуютъ одна другую. Мнѣ напоминаетъ это лгуна, который, поймавъ какого-нибудь простячка крестьянина или шляхтича, вретъ ему всякій вздоръ, несетъ околесную и чтобы прикрыть ложь и обманъ, путаешь его сторонними рассказами. Останавливается, уходитъ, приходитъ и кончаетъ, когда простякъ или шляхтичъ, не выдержавъ убѣжалъ и сгинулъ. Я серьезно думаю отказаться отъ мѣста. Надобно служить съ пользою, а здѣсь я никакой пользы принести не могу.

\*

Замѣчательны свѣдѣнія о Государственныхъ крестьянахъ Устьемь-сольскаго уѣзда, Вологодскаго уѣзда. Нераспорядительное начальство другой годъ попускаетъ буйствовать и смѣяться своему безсилію ничтожныя селенія, подстрекаемыя крестьянами поповыми. Я почти увѣренъ, что Государю происшествіе это представлено въ другомъ видѣ, оно ничтожно, но оно замѣчательно, по очевидной недостаточности сельскаго управления и безсилію мѣстнаго начальства.

\*

Это почти непонятно, я третій день безъ копѣйки и бьюсь какъ рыба объ ледъ. Но, повѣрять ли этому мои Саратовскіе? А это такъ и такъ по моей не расчетливости.

Графиня Юрія Петровна Строгонова желала поручить мнѣ управление дѣлами С.-П.бургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ; мнѣ хотѣлось бы хорошо и поближе узнать членовъ этого Совѣта, и я изъявилъ согласіе, но графъ В. Н. Панинъ разсудилъ иначе и рѣшительно запретилъ брать стороннее занятіе, находя, что и своихъ довольно и предполагаетъ дать нѣкоторыя законодательныя работы, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Жаль, что не удалось мнѣ сблизиться съ графинею, но не удалось мнѣ, графъ правъ: едва ли бы дамскій Совѣтъ не увлекъ и не отвлекъ меня отъ министерскихъ занятій.

Сегодня 26 Мая 1843 г. пріѣхала ко мнѣ сестра Евлампія. Стало быть надо поразвлечься и потѣшить мою милую Саратовку.

Графъ сказалъ мнѣ: составленіе уголовного уложенія приняло хорошее направленіе, графъ Блудовъ согласился на представленіе его и представилъ министру юстиціи сдѣлать на оконченную часть (о преступленіяхъ и наказаніяхъ) свои замѣчанія, до внесенія въ Государственный Совѣтъ. Министръ прибавилъ, что онъ настоялъ на этомъ для того, чтобы поручить разсмотрѣніе уложенія мнѣ, послѣ собственнаго его обозрѣнія, которымъ онъ займется во время отпуска (въ Августѣ). Совершенно не понимаю, за что такая честь мнѣ, надобно приготовиться и предварительно изучить уложенія иностранныхъ послѣднихъ годовъ.

Сегодня 3 Іюня 1843 г., я проводилъ сестру мою. Какая-то пустота вокругъ меня и какая-то тоска въ сердцѣ.

\*

И Римляне, позднѣйшихъ временъ, Нѣмцы и Французы прошедшаго и текущихъ столѣтій говорили о невыгодномъ условіи женщинъ въ обществѣ и наконецъ о неудовлетворительности условія брака, теперь эта тема сдѣлалась общою и можетъ быть введеніе въ ея убѣжденіе поведетъ къ совершенному отмѣненію формъ этого важнаго, религіознаго и гражданскаго акта. И семейства и государство должны противодействовать этому пагубному ученію и найти болѣе важныя огражденія соотвѣтственности браковъ и средства устроять тѣ недостатки, подъ предлогомъ которыхъ оуждается обрядъ или таинство брака.

Я нынче (20 Іюня 1843 г.) опять не имѣю денегъ на обѣдъ, такая безрасчетливость!

\*

Сегодня графъ В. Н. Панинъ (30 Іюня) рекомендовалъ меня своему товарищу, бывшему здѣшнему губернатору д. с. с. Василю Александровичу Шереметеву. Нынѣ я и узналъ о его назначеніи, которое безъ сомнѣнія многихъ поразило. Думаю, что онъ назначенъ по представленію или по крайней мѣрѣ съ согласія графа. Это похоже на его выборъ, на его систему. Шереметевъ человекъ хорошей фамиліи съ хорошимъ состояніемъ, дѣятельный, умный и—аристократъ. Сколько я могъ замѣтить, графъ взялъ себѣ на умъ приостановить по возможности развитіе и напоръ выходцевъ, втирающихся въ служебную аристократію, стараясь занимать ее аристократами рожденными, ихъ привлекаетъ онъ въ министерство, имъ даетъ мѣста, ихъ посылаетъ въ Сибирь. Онъ хочетъ, чтобы, наученные и испытанные, они крѣпко и умно держали въ народѣ власть Государя, устраняя своими личными преимуществами и знаніями ропоть умныхъ разночинцевъ на незаслуженное покровительство и удовлетворяя требованіемъ общества своимъ отчетливымъ и опытнымъ управленіемъ. Безъ сомнѣнія это хорошо, хотя немного своекорыстно, немного тѣсно и немного поздно принимается эта система. Буду имѣть случай узнать Шереметева. Любопытно видѣть, какъ они сладятся съ графомъ, съ которымъ трудно раздѣлить что-нибудь. Какъ человекъ большого ума, графъ любитъ господствовать. Мнѣ кажется, что онъ способенъ выжать меня, какъ лимонъ, и бросить. Смѣшно думать такъ послѣ всѣхъ видимыхъ отличій, которыми онъ поощряетъ трудную службу мою; но я таковъ: безъ прямоты и довѣрія, безъ искренности и добросовѣстности и въ спутники не гожусь.

\*



Если бы Государь вначалѣ царствованія далъ другое направленіе и повелѣ иначе, цѣня, какъ Петръ I-й, болѣе личность, нежели наслѣдственность, болѣе дѣло, нежели слово, конечно послѣ этого многое измѣнилось, но тѣмъ не менѣе направленіе дано, и Екатерининскаго епатріархальнаго учрежденія быть уже не можетъ. Явилось высшее дворянство новое, которому чужды и инстинкты и преданія стараго, оно не можетъ съ ними слиться и ведетъ своихъ приверженцевъ; 14-й классъ умножается до милліона, образованность обобщаетъ понятіе, газеты даютъ извѣстность, толкуютъ объ огражденіяхъ и ручательствахъ и, думая, можетъ быть, пустить пыль въ глаза, знакомятъ съ этими понятіями и утверждаютъ требованія. Многое готовится въ наше время по видимому спокойное, беззаботное. Не нравится мнѣ одно: у насъ начинаетъ пахнуть какими-то интригами, есть какой-то гордый произволь при видимой терпимости, какія-то удовленія при наружной откровенности. Чтò касается до меня, мнѣ очень бы хотѣлось узнать провинцію и отдохнуть тамъ тѣломъ и духомъ. Во всякомъ случаѣ я не измѣнюсь и буду идти прямо; авось исполнится, что я всегда утверждалъ, что прямота рано или поздно возьметъ свое и что государство вознаграждаетъ добросовѣстную службу. Не удастся—кто будетъ въ проигрышѣ?

Нынѣ 4 Іюля Б. К. Данзасъ навѣстилъ меня, чтобы объявить о пожалованіи меня кавалеромъ Станислава второй степени. Я очень благодарилъ его за личное ко мнѣ участіе. Я не слишкомъ радъ этой наградѣ. Надобно написать матери.

\*

Я читалъ книгу о Маркиза Кюстина *La Russie en 1839*. Бѣглый взглядъ Европейца на нашу Россію выраженъ въ ней вѣрно. Къ сожалѣнію онъ мало былъ у насъ, и оттого большая часть его замѣчаній передаетъ или общее, давно извѣстное мнѣніе, или наглядное наблюденіе маркиза, не нашедшаго у насъ удобствъ другихъ Европейскихъ столицъ, не усвоившаго себѣ нашего положенія и завистливо смотрящаго на наше роскошное могущество. Есть въ книгѣ и сплетни, заведенныя господиномъ маркизомъ еще ва пароходѣ, есть черты вѣрныя. Надобно долго пожить съ нами, чтобы узнать насъ и признать необходимость многихъ учреждений и обыкновеніе нашихъ, кажущихся съ перваго взгляда странными и противными. Во всякомъ случаѣ никто не усумнится, что развитіе наше въ ходу, что главный двигатель его самъ Государь и что западные наклики о революціи въ Россіи порождаются частію завистью, частію одностороннимъ воззрѣніемъ. Чѣмъ меньше мы будемъ принимать Европейскаго, тѣмъ постепеннѣе и прочнѣе будутъ наши успѣхи. Но принимая Европейское въ одномъ

или сверху, надобно принимать его и въ другомъ или снизу. Теперь это не совсѣмъ такъ, и во многомъ замѣчается чувствительное противорѣчіе. Со времени Екатерины, еще болѣе Александра и особенно нынѣ царствующаго Государя (учрежденіе о губерніяхъ, работы Сперанскаго и сводъ) правительство старается ввести порядокъ, основанный на законѣ. Пишутъ законы, блюдутъ за ихъ исполненіемъ, ограничиваютъ произволъ, стараются внушить націи довѣріе, но это идетъ не успѣшно: законы пишутся людьми мало свѣдущими, законы не хороши; исполненіе и соблюденіе ихъ безотчетно и потому исполняется и соблюдается одна форма, произволъ (это хитрый и тѣмъ худшій произволъ) облекается законностью. Довѣрія нѣтъ къ закону, ибо онъ не хорошъ, да притомъ хорошъ или худъ его, не знаютъ, потому что его издаютъ безъ совѣта и спроса: законъ въ дѣлѣ, а дѣло канцелярская тайна. Спрашиваютъ: законъ. Вамъ даютъ чиновника, безконечныя инстанціи, необъятную переписку. Законъ въ рукахъ чиновниковъ, а чиновники и лично и по содержанію не имѣютъ никакого достоинства, лично, потому что мало образованныхъ и слишкомъ велика зависимость ихъ дѣлъ и самаго общественнаго мнѣнія отъ высшихъ, по содержанію, потому что его мало и пополняется оно взятками. Противорѣчіе важное, послѣдствія котораго тѣмъ опаснѣе, что они не примѣтны и развиваясь тихомолкомъ, могутъ обнаружиться только тогда, когда, подмывъ основаніе разрушаютъ зданіе съ громомъ и ломомъ, какъ въ пожарахъ, въ Кузнецкѣ, Перми, Казани, какъ въ буйныхъ шайкахъ крестьянъ нашихъ Восточныхъ провинцій.—Второе противорѣчіе—это введеніе просвѣщенія, нравственнаго равенства въ разьединенное чинами и сословіями наше общество. Наше время идетъ скоро, все развивается и распространяется быстро. Не движенія и движенія желаю я, но я желаю введеніе органовъ, посредствомъ которыхъ бы законъ составлялся и наблюдался осмотрительно и существенно, я желаю открытія путей, которыми бы недостатки и злоупотребленія обнаруживались и удостовѣрялись лучше. Такъ ли сякъ ли, но я надѣюсь достигнуть этого. Государь не попрепятствуетъ подобнымъ мѣрамъ. Остается желать, чтобъ какой нибудь опытный и безкорыстный совѣтникъ напомнилъ объ этомъ, сталъ между народомъ и правительствомъ (разумеется на время), иначе будетъ діархія. Управление и судъ, ограниченные огражденіями, неволью устроятся лучше. И безъ совѣтника это сдѣлается, только позже и, къ сожалѣнію, уступка тогда будетъ вынуждена, а всякое вынужденное согласіе лишено за ранѣе существеннаго качества дѣйствія—добросовѣстности. Безъ добросовѣстности необходимы интриги, ухищренія, пронырства и уловленіе, съ которыми тѣсно связаны козни и подлости.

Я видѣлъ огромный парадъ въ Красномъ Селѣ, передъ выходомъ войскъ изъ лагеря, я слышалъ громогласную команду Государя, я любовался зрѣлищемъ восьмидесяти тысячъ войска, проходившаго мимо ставки Императрицы.

Любя всѣхъ, я никого не люблю особенно и оттого нигѣмъ не любимъ; я не знаю человѣка, котораго самолюбіе не было оскорблено мною или похвалою, или порицаніемъ или насмѣшкой. Съ низшими тонъ покровительства, съ высшими противорѣчіе. Кто меня полюбитъ, кто обо мнѣ пожалѣетъ!

Въ то время какъ мы торжествуемъ рожденіе сына Николая у Цесаревича Наслѣдника, и изъ Пруссіи, изъ Позена получено извѣстіе о сдѣланномъ покушеніи на жизнь Государя. Я не могу безъ содроганія думать о послѣдствіяхъ подобнаго несчастія. Государь такъ силенъ волею и вліяніемъ нравственнымъ, восемнадцатилѣтнее могущественное царствованіе такъ глубоко запечатлѣлось въ Европейской дипломатіи и народныхъ умахъ, что отсутствіе государя какъ бы не былъ хорошъ его наслѣдникъ, непременно произведетъ колебаніе, опасенія и самыя безпокойства. Но я совершенно не понимаю Познанскаго дѣла, надобно ожидать сплетенъ и вранья въ иностранныхъ газетахъ и если правда, что Государь просилъ прекратить всякое изысканіе, едва ли можно надѣяться на открытіе истины, а она важна и даже необходима въ дѣлѣ, которое могло имѣть столь великія послѣдствія и которое можетъ быть въ связи съ другими настоящими и будущими. Государь и Государыня съ Княжнами и Наслѣдникъ въ Москвѣ (26 Сентября). Благодарятъ ли они Бога за избавленіе отъ Познаннскаго покушенія или за рожденіе сына—внука, неизвѣстно. Я думаю и то и другое.

\*

Не знаю, говорилъ ли я въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ о молодомъ человѣкѣ Павлѣ Петровичѣ Хрущевѣ, это цвѣтокъ молодого разсадника. Онъ сынъ дворянина весьма хорошей фамиліи, племянникъ генералъ-адъютанта Бибикова, имѣлъ небольшое состояніе, былъ всѣми любимъ и, готовый вступить на блестящее поприще, на дняхъ внезапно скончался. Миръ праху твоему, мой молодой и прекрасный другъ!

Вы ропщете на Кюстина, Вы называете его лжецомъ, сплетникомъ и невѣжею. Конечно маркизь виноватъ въ томъ, что много наболталъ и нерѣдко вымышленными и приправленными разговорами съ Государемъ и царскою фамиліею старался придать видъ истинный своему описанію. Конечно поверхностный наблюдатель, запоздалый маркизь много написалъ суетныхъ, шаткихъ теорій, мудрствуя по-

своему и бросая памфлеты Парижскимъ своимъ недругамъ. Да, вы, кажется, не обратили вниманія, что въ сущности сочиненіе его носить печать внутренней глубокой ненависти къ современному порядку къ Россіи и особенно къ Государю и что эта ненависть принадлежитъ не временному гостю, а закоренѣлому аристократу, уязвленному въ самое сердце. Пишетъ Кюстинъ, но въ душу ему дуетъ Русскій, ренегатъ, освищенный честолюбецъ. Взгляните съ этой точки и вы легко отдѣлите сплетни и легкомысліе Француза отъ ядовитыхъ замѣчаній его внушителя. Въ особенности рѣзки черты нашей администраціи, какъ напр. о законности по однимъ формамъ, а законности формъ по одному произволу, а смертная казнь, существующая на самомъ дѣлѣ, о вліяніи Царскихъ словъ на толпы, въ особенности слуховъ о свободѣ крѣпостныхъ, объ уваженіи или страхѣ питаемомъ къ власти и пр. Въ самыхъ анекдотахъ, переданныхъ маркизу уязвленнымъ аристократомъ, видна личная ненависть Государю, приправленная завистью самого француза къ Россіи, таковъ напр. рассказъ о смерти Пушкина и совершенно искаженная сплетня, въ которой молодой поэтъ вовсе не мнилъ о славѣ къ затмѣнію славы самодержца, а просто на просто, неосторожно и съ глупою дерзостію разругалъ клеветовъ трона, слишкомъ глупыхъ, чтобы понимать государство и при томъ такое, какъ Россія. Ненависть Француза видна въ поверхностномъ мнѣніи о Пушкинѣ, но, пристрастіе въ сторону, нельзя не отдать справедливости образованному путешественнику: въ основаніяхъ упреки его справедливы. Желательно, чтобы какой нибудь государственный умъ Западнаго края пожилъ у насъ подолѣе. Многое въ Россіи есть слѣдствіе необходимости, многое не удобопонятно для завистника и вообще иностранца, но многое дурно и должно быть измѣнено. Повторяю, въ описаніи маркизъ правъ, и книга его есть услуга важная.

\*

Мы имѣемъ прекрасную итальянскую оперу, лучше которой едва ли есть что нибудь на свѣтѣ: Рубини, Гарсія и Тамбурини, но эта опера мнѣ какъ бѣльмо на глазу. Смотри на наше общество и недостатки, я всякое преобладаніе иностраннаго считаю новымъ препятствіемъ для нашего развитія. Смотри на грубость нашего народа, я не могу понять, неужели запретительная система въ торговлѣ необходима, а для нравственнаго и художественнаго образованія необходимо порто-франко. Господа, вторженіе Нѣмцевъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія отдалило наше развитіе, поколебало кредитъ и сдѣлало тысячи банкротствъ.

\*

Великій князь Михаилъ Павловичъ возвратился изъ путешествія и, говорятъ, не нахвалится Англіею, даже упряжь Англійская правится ему болѣе Русской. Нельзя при этомъ не замѣтить, что мы переживаемъ новую эпоху, которую хотять называть Русскою. Подражая и заимствуя въ продолженіи полутора столѣтій, мы хотимъ повернуться назадъ и развивать элементъ Русскій. Прежде брали и хорошее и дурное, потому что оно иностранное; нынче мы не хотимъ даже хорошаго, потому что оно иностранное. Не поздненько ли? Не держатся ли прежняго, и при томъ искреннѣе? Не ввести ли общины, центральныя власти, не ввести ли какую нибудь палату? Мнѣ кажется это соединимо съ самодержавіемъ и даже съ централизаціею.

Еще не стало одного молодого человѣка, полного надеждъ и богатаго талантами. Баронъ Радень, чиновникъ второго отдѣленія Императорской канцеляріи, внезапно скончался. Онъ отличался быстротою и смѣтливостію ума, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода Остзейскихъ провинцій и въ кратковременную службу пріобрѣлъ довѣріе графа Блудова, который всегда поощрялъ труды его. Молодой человѣкъ былъ единственною опорою семейства.

\*

Опасеніи мои на счетъ Министра начинаютъ сбываться. Встрѣтя сильное противодѣйствіе и не имѣя никого искренне съ нимъ связаннаго дружбою или единствомъ плана, онъ много имѣлъ непріятности въ Совѣтѣ, онъ такъ возстановилъ противъ себя статъ секретарей (даже такихъ, какъ Гаврилъ Степановичъ Поповъ), что непріятности эти продолжались и съ назначеніемъ, повидимому пріятели графу Панину, Н. И. Бахтина. Я опасался, что министръ откажется отъ министерства и, найдя ничтожный предлогъ уѣдетъ въ чужіе края или въ деревню. Опасеніе это сбылось въ половину: министръ сложилъ съ себя управленіе уголовнымъ правосудіемъ, избравъ себѣ товарища, оппозицію встрѣтилъ онъ всюду, въ старой и новой аристократіи: въ старой, потому что, изъ молодыхъ ранній, онъ не уважалъ въ другихъ ни старости, ни заслугъ. Князь Д. В. Голицынъ, графъ Воронцовъ и всѣ пожилые сановники знали графа мальчикомъ, а онъ дѣйствуетъ самостоятельно и даже указываетъ имъ. Въ новой аристократіи, потому что онъ въ душѣ преданъ старой и терпитъ или сноситъ новую какъ необходимость, зная ее только въ дѣлахъ службы. Товарищемъ себѣ онъ избралъ аристократа, но В. А. Ш. слишкомъ внезапно попалъ на это мѣсто, и потому иногда въ дѣлахъ государственныхъ имѣетъ возрѣніе губернское, чрезвычайно тѣсенъ въ своемъ кругозорѣ, а, какъ человѣкъ новый, чрезвычайно робокъ въ своихъ сношеніяхъ, однимъ словомъ, человѣкъ наименѣе способный замѣнить графа и

наиболѣе можетъ показать его необходимость. Можетъ быть, полагая, что составленіемъ уголовного уложенія во второмъ отдѣленіи Императорской канцеляріи, часть эта, отнятая такимъ образомъ у министерства, будетъ окончательно устроена, графъ думаетъ заняться частію гражданскою, которую онъ всегда считалъ выше уголовной, и привести ее въ лучшее состояніе. По моему мнѣнію, министерству слѣдуетъ заняться устройствомъ наказательныхъ учреждений, это дало бы возможность ввести ихъ въ наше вѣдомство, и спросить соизволеніе Государя на командировку для обзорѣнія главнѣйшихъ учреждений наказательныхъ въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, Бельгіи и Польши и потомъ обзорѣтъ на мѣстѣ и точнѣе наши учрежденія и составить планъ постепеннаго устройства ихъ. Порученіе это я желалъ бы исполнить самъ, я взялся бы обзорѣтъ Европейскія учрежденія въ теченіе года и даже восьми мѣсяцевъ, начавъ Польшею и кончивъ Италіею. Для этого мнѣ нужно около трехъ тысячъ серебромъ. Потомъ въ столько же времени обзорѣтъ учрежденія наши. Для этого мнѣ нужно столько же. Я составилъ бы планъ и обработалъ бы это дѣло съ большимъ удовольствіемъ. Отчетъ мой, говорятъ не войдетъ въ записку, представляемую Государю, потому будто бы, что состояніе уголовного правосудія изображено въ немъ ужасными красками. Вопросъ: справедливо ли или преувеличено это изображеніе? Если справедливо, то министръ обязанъ представить государю; если не справедливо я долженъ, написать другой. Нѣтъ, у насъ всегда ограничатся полумѣрами и сейчасъ найдутъ справку (ревизія Сибири сенаторомъ Толстымъ), а потомъ мы будемъ роптать, что для насъ ничего не дѣлаютъ, тогда какъ скорѣе, слѣдовало бы сказать, что мы ничего не требуемъ. Я посмотрю, чѣмъ разыграется эта исторія.

\*

Еще годъ прошелъ. Дай Богъ памяти вспомнить и записать что нибудь о 1843-мъ наканунѣ 1844 г. Ничего, почти ничего, кажется, время и отношеніе, вырванныя изъ историческаго лона событіями, 1789—1815 гг. начинаютъ устанавливаться. Броженіе, колебанія прекращаются и образуется мало-по-малу новое историческое право, порядокъ вещей раціональный. Еще слышны отголоски революціональныхъ волненій въ Испаніи и при Дунайскихъ земляхъ, въ Греціи и нѣкоторыхъ республикахъ Американскихъ, еще видимы воинственныя попытки завоеванія Востока. Но тишина видимо и прочно водворяется въ правительствахъ, Французскомъ доктриною Гизо, араціональное право и учрежденіе вырабатываются изъ туземныхъ элементовъ Германіи и Россіи. Утвержденіе законности требуетъ усовершенія и развитія законовъ. Направленіе это такъ сильно, что даже въ Пруссіи не сомнѣваются въ назначеніи нашего вре-

мени къ законоположеніямъ. Развитіе совершается снизу вверхъ, а не съ верху внизъ, какъ прежде. Почти во всѣхъ государствахъ составлены и изданы новыя уголовныя уложенія. Ограда личность, примутся за собственность. У насъ эти года замѣчательны обнаруживаніемъ недостатковъ внутренняго управленія, въ особенности полиціи и суда, ввѣренныхъ д. с. с. Перовскому и графу Панину. Л. А. Перовскій началъ свои дѣйствія распорядительными мѣрами въ столицѣ. Онъ немного переступилъ полицейскіе предѣлы и зашелъ съ одной стороны въ вѣдомство торговли, а съ другой въ вѣдомство судное назначеніемъ шпионовъ и особыхъ комиссій. Въ концѣ года онъ составилъ проэктъ, учрежденіе губернскихъ правленій. Жаль, что онъ хочетъ сдѣлать ихъ палатами М. В. Дѣлъ и что онъ началъ преобразование сверху внизъ. Многіе охуждаютъ выборъ его губернаторовъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ поступаетъ съ ними немного по наѣзднически.—Графъ В. Н. Панинъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ графомъ Блудовымъ. Ошибку или путаницу эту началъ еще Сперанскій, когда, по примѣру Прусскаго учреждено у насъ нѣчто въ родѣ законодательнаго министерства. Эта мѣра у насъ (гдѣ вовсе нѣтъ еще исторической почвы) была преждевременна: у насъ рано думать объ уложеніяхъ, надобно вырабатывать законы, а не улагать ихъ, надобно сочинять, постановлять и развивать законы, а не пересматривать ихъ. Графъ Панинъ все еще думаетъ, едва ли на чтонибудь рѣшится; онъ вполне убѣжденъ, что наше время еще зыблется и начала не установились. 1843-й годъ замѣчателенъ предположеніемъ о введеніи поземельной вмѣсто подушной подати, измененіемъ общаго губернскаго управленія, составленіемъ уголовного уложенія, ограниченіемъ производства, чиновниковъ третьяго разряда, введеніемъ порядка наградъ крестами по мѣстамъ, новымъ уставомъ цензуры, новыми касками, новыми деньгами, новыми операми. Въ нынѣшнемъ же году намъ сказали великую истину, что у насъ есть каталоги и этикетки, есть даже переплеты, но дѣлъ, вещей, листовъ нѣтъ, что мы передразниваемъ, но не перенимаемъ, что мы, вопреки природѣ и прошедшему, приняли наружность не свойственную намъ. Въ самомъ дѣлѣ, формальность, очистка, поверхность подавляютъ у насъ существо, и такъ какъ это противорѣчіе внѣшняго съ внутреннимъ производитъ ложное положеніе, то у насъ почти все не добро-совѣстно, не искренно и мелочно.

\*

Трудно представить, до чего доходятъ голодъ и жажда злата. Наши высшіе сановники дѣлаются пронырами, скупщиками, ростовщиками въ откупахъ, подрядахъ и особенно въ золотопромышленности. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно извѣстныя мнѣ дѣла Тита Зотова и

Голубкова съ Рязановымъ. И у того, и у другого хотять отнять пріиски и прежде нежели отняли у перваго, Наслѣдникъ просить участокъ своему адъютанту Паткулю, графъ Орловъ, сенаторъ Безобразовъ просятъ себѣ части, а Титъ Зотовъ, чтобы имѣть защиту, взялъ въ половину графиню Толстую, сестру Л. А. Перовскаго. У втораго еще не отняли, а между тѣмъ статсъ-секретарь Карнѣевъ вошелъ съ Рязановымъ въ сдѣлку, выхлопоталъ черезъ комиссію прошеніе повелѣній о пересмотрѣ и принялъ на себя ходатайство.

\*

Поѣздка моя въ Нѣмецкія наши губернія (Гельзингсфорсъ, Ревель, Ригу и Митаву) продолжалась съ 28 Іюля по 15 Сентября; она началась пріятнымъ пребываніемъ въ Финляндіи, кончилась непріятнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ я засталъ брата. Наблюденія и замѣчанія мои собраны въ особой тетради. Теперь я не имѣю ни головы, ни досуга, чтобы заняться выводомъ общихъ результатовъ и въ особенности обработкою моей бѣглою ревизіи тюремъ, съ которою соединяется предположеніе объ устройствѣ суда и расправы надъ Русскими, слишкомъ подчиненными Нѣмецкимъ правамъ и обычаямъ.—Можно съ достовѣрностью предполагать, что графъ Панинъ не хочетъ быть министромъ. Онъ желаетъ главнаго завѣдыванія законодательною частію. Можетъ быть, ему даже передано объ этомъ отъ Государя.

\*

Одинъ злой языкъ сказалъ, 6 Декабря, что министръ в. д. въ этотъ день печеть губернаторовъ, а весь годъ потомъ ихъ допекаетъ, что въ этотъ день обыкновенно выходитъ новый прейскурантъ не распроданнымъ дряннымъ винамъ: Г. Н. Н. въ генералы, Г. А. А. въ полковники и такъ дальше.—Особенно смѣшны извѣстія съ Кавказа. Тамъ Шамиль, говорятъ, на оцѣнку головы его генералу Нейгарту отвѣчалъ, что онъ не цѣнитъ головы генерала, потому что она ничего не стоитъ и чтобы не прислали вмѣсто нея другой, которая во всякомъ случаѣ будетъ умнѣе и слѣдовательно, для горцевъ опаснѣе. Между тѣмъ (смѣхъ въ сторону) перемѣщенія и производства и отдѣльныя наши управленія требуютъ серьезнаго размышленія. Мы такъ подчинили нашему произволу главныя мѣстныя начальства, что они потеряли всякое достоинство, не могутъ отвѣчать за завтрашній день, не могутъ обѣщать поощренія за самую полезную заслугу. Бѣдный Кавказъ не находитъ себѣ управляющаго; говорятъ, предлагаютъ А. П. Ермолову, который и будто бы соглашается съ условіемъ, чтобы въ случаѣ отозванія мѣра эта принята была не иначе, какъ по истребованія объясненія.

\*



Я читалъ „Разысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“, напечатанное по приказанію г. м. в. дѣль 1844 г.“ Не знаю, кто писалъ этотъ бѣглый обзоръ (можетъ быть, В. И. Даль или генераль-маіоръ Каменскій) и для чего напечатано это во многихъ отношеніяхъ поверхностное разысканіе о столь важномъ предметѣ, въ которомъ соединяются интересы народныя, религіозныя и юридическія. Можетъ быть, Левъ Алексѣевичъ, поборая государственное единство, думаетъ, принявъ энергическія мѣры, очистить отъ Евреевъ наши Западныя губерніи. Памятны имъ гоненія, воздвигнутыя въ Велижѣ 1823 г. и въ Мстиславлѣ по контрабандному дѣлу 1844 г. Брошюра замѣчательна по своему предмету, но бѣдна содержаніемъ, лишена безпристрастнаго взгляда, не имѣетъ достоинствъ ученаго изслѣдованія и даже полнаго собранія свѣдѣній. Не ищите здѣсь ни точныхъ источниковъ, ни вѣрныхъ указаній, ни оцѣнки событій. Это бѣглое изложеніе свѣдѣній, почти всеизвѣстныхъ, направленное къ тому, чтобы доказать, „что убіеніе христіанъ Евреями для полученія крови существуетъ; что обрядъ сей извѣстенъ и исполняется сектою Хасидовъ или Хасидымъ, и что поныѣ являются между Жидами фанатики и кабалистическія знахари, которые съ этою двойкою цѣлію посягають на мученическое убіеніе христіанскаго младенца и употребляютъ кровь его съ мистически-религіозною и мнимо-волшебною цѣлію. Польша и Западныя губерніи наши, служація со времени среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго жидовства, представляютъ и поныѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изувѣрства, особенно губернія Витебская, гдѣ секта Хасидовъ значительно распространилась. Можетъ быть, все это правда; но я повѣрю тому не прежде, какъ получу убѣжденіе, котораго не можетъ мнѣ дать это разысканіе. Весьма легко, сидя въ кабинетѣ, разсуждать о виновности лицъ, освобожденныхъ судомъ отъ отвѣтственности, какъ напр. по Велижскому дѣлу: не трудно признать эту виновность и будучи въ составѣ временной комиссіи, но трудно постановить приговоръ судебный, когда человѣческое убѣжденіе не подкрѣпляется тѣми доказательствами, которыя преподаны судѣ для успокоенія его совѣсти и при которыхъ всякая кара не вполне доказаннаго преступленія есть въ свою очередь преступленіе, угрожающее виновному и невинному.

\*

1845 г. И. В. Капгеръ назначенъ и. д. директора нашего департамента на мѣсто Б. К. Данзаса. Данзасъ, говорятъ, сынъ князя Дмитрія или Бориса Владимировичей Голицыныхъ, учился въ Лицеѣ стараго времени, онъ имѣетъ слѣдовательно энциклопедическія свѣдѣнія, которыя впоследствии развились чтеніемъ и свѣтомъ, имѣющимъ въ Дан-

засѣ преданнаго сына. Я знаю его съ 1841 г. и два года работалъ съ нимъ постоянно. Отдавая справедливость разнообразію его свѣдѣній, быстротѣ понятій и памяти случайностей (три превосходныя качества въ дир. д. М. Ю.), я долженъ также упомянуть о трехъ недостаткахъ его: излишняя преданность свѣту, и особенно аристократіи, къ которой онъ думаетъ принадлежать, на которую онъ надѣется и которая его обанкротитъ, непривычка къ письму, ставящая его въ зависимость по работамъ съ нами, и упорство въ частностяхъ, которыя онъ взялъ себѣ въ голову. Идя всегда подъ покровительствомъ князя Голицына, онъ мало знаетъ нашъ классъ малыхъ чиновниковъ, не имѣетъ дисциплинарнаго дара начальника и, при всей благонамѣренности, часто несправедливъ. Недостатки сіи постановили его въ совершенно ложное положеніе, особенно съ назначеніемъ товарищемъ В. А. Шереметева. Ложное положеніе повело къ другимъ, даже въ мелочахъ, къ ложнымъ дѣйствіямъ, и этотъ благонамѣренный отъ природы человекъ невольно низошелъ до сплетень, развѣдываній и повѣреній. Мнѣ жаль было его и я почти радъ, что онъ вышелъ изъ департамента, хотя сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ выдти изъ ложнаго положенія. Вести преимущественно лицейство, способствовать опредѣленію молодыхъ людей лучшихъ семей, имѣть приглашенія и пожатіе руки вельможъ, поспорить съ министромъ, чтобы показать свою независимость и соперничать съ М. М. Карніолиномъ-Пинскимъ: вотъ главное его правило, по которому я никакъ не могъ сблизиться съ нимъ. Когда-то онъ представлялся чистымъ и прекраснымъ. Необходимость сломила его. Дай Богъ, чтобы онъ поправился.

И. В. Калгеръ совсѣмъ другой человекъ. Такъ какъ онъ былъ подо мною, я знаю только о его недостаткахъ и потому удерживаю отъ рѣшительнаго заключенія, но не могу не упомянуть о прекрасномъ качествѣ, это скромность. Онъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ искательствъ, еще болѣе отъ всякихъ интригъ. Трудно найти человека, который былъ бы лучше носящагося о немъ мнѣнія. Положеніе мое нисколько не измѣнилось, и я по прежнему остаюсь съ М. А. Рюминымъ, который, къ вѣщему вреду его мѣста, теперь женатъ.

\*

Графъ М. С. Воронцовъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Можетъ быть, хромающее управленіе этимъ краемъ въ Петербургѣ кончится; можетъ быть даже онъ иначе поведетъ и военныя дѣла, которыя такъ запутаны. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ о себѣ: я старъ, а горцы поумнѣли. Это умно и основательно. Назначеніе намѣстника есть живое убѣжденіе въ недостатокъ нашей централизаціи: широка и велика Россія для Французскаго со-

средоточенія въ управленіи. Между тѣмъ какъ генераль Нейгардтъ (самый формальный исполнитель изъ всѣхъ главноуправляющихъ) ходатайствуетъ о разрѣшеніи дѣла или освобожденіи арестанта, подсудимые перемерли, ссорящіеся помирились или передрались снова. А ходатайствуетъ онъ потому, чтобы министръ сказалъ о немъ доброе слово и чтобы не получить упрека за нарушение спасительныхъ Европейскихъ формъ въ Кавказскихъ провинціяхъ. Для меня весьма любопытно будетъ смотрѣть на дѣйствія нашего южнаго вице-короля, назначеніе котораго произвело во всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе. Опасаюсь я этихъ г. г. Чернышевыхъ и Позеновъ, которые готовы запутать новаго намѣстника. У насъ тоже двуцарствіе и управленіе хоть брось. Не понимаю я цѣли этого равнодушія графа Панина, роняющаго достоинство цѣлаго вѣдомства. Боже мой! И всѣ эти продѣлки существенно связаны съ важнѣйшими интересами государства, подчиняются личнымъ видамъ. Это почти не понятно въ наше время и при такихъ умныхъ людяхъ, какъ Государь и графъ Панинъ.

\*

Величайшее послѣдствіе Французской революціи есть торжество событій: ихъ принимаютъ по необходимости за право и сколько можно стараются облечь въ формы законности условнаго, писаннаго права. Остается одинъ шагъ до того, чтобы всякое событіе признать законнымъ, потому что оно совершилось. Неограниченная и сосредоточенная королевская власть была противодѣйствіемъ дробныхъ многихъ властей феодальныхъ. Революція была противодѣйствіемъ королевской власти и есть собственно возвращеніе прежнихъ феодальныхъ (властей) раздробленныхъ до безконечности въ каждомъ гражданинѣ. Имперія была противодѣйствіемъ этой анархіи или возвращеніемъ королевской (restoration), постоянными правилами (constitution), реакція конституціоннаго учрежденія обнаруживается въ хитростяхъ ограниченнаго короля и въ противоборствѣ неограниченныхъ напр. Прусскаго, Датскаго. Революція разливала огонь и пламя во имя свободы народовъ; Наполеонъ разрушалъ царства и династіи во имя свободы народовъ. Союзники поборали Европейскаго диктатора тоже во имя свободы народовъ. Три системы, различныя въ существѣ, пользовались однимъ орудіемъ, и какъ революція развела до нельзя кровопролитіе внутреннее, такъ Наполеонъ раздражалъ честолюбіе и славолюбіе до того, что не достало пищи. Онъ довелъ неуваженіе къ существующему до неуваженія самого себя, а союзники распалили народную гордость до той степени, что, едва достигнувъ цѣли, стали уже думать объ удержаніи и охлажденіи воспламененнаго ими стремленія. Въ этой-то игрѣ противоположностей, говорятъ, и состоитъ жизнь и умѣніе политики и власти.

По мнѣнію моему, умѣніе состоитъ въ томъ, чтобы не пробуждать и избѣгать крайности. Талейранъ, Меттернихъ, Кастлре и Гарденбергъ, по низверженіи Наполеона, вызвали начало прежней законности. Начало это не устояло, его уже нѣтъ, ни во Франціи, ни въ Испаніи, ни въ Бельгіи, ни въ Польшѣ. Старое начало не вяжется съ новыми формами. Нѣтъ, доколѣ въ основаніи нашихъ дѣйствій нѣтъ Бога и правды Его, дотолѣ невозможно ожидать счастливаго управленія. Опасайтесь всякихъ мудрствованій человѣческихъ систематиковъ, ибо явятся другіе съ другими системами и поборятъ васъ, и въ этой борьбѣ прольются слезы и кровь и не будетъ счастья, котораго по праву отъ васъ ожидаютъ.

\*

Назначеніе графа Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ, принятое всѣми съ такимъ радушіемъ, имѣло послѣдствіемъ между прочимъ увольненіе Мих. Пав. Позена. Талантливый человѣкъ этотъ не по силамъ хотѣлъ помѣриться съ могущественнымъ графомъ и долженъ будетъ безъ боя уступить ему и вскорѣ уступить съ позоромъ для себя, какъ школьникъ, котораго приводили на очную ставку и изобличили во лжи и заносчивости.

Много вреда сдѣлало незаслуженное быстрое возвышеніе Позена, нажившаго себѣ значительное состояніе такими способами, которые во всякомъ случаѣ неблагоприятны для государственнаго человѣка, какимъ думалъ быть Позень. Я считалъ его сбившимся съ пути, когда, оставя Военное Министерство, онъ началъ выдѣлывать себѣ независимое мѣсто и засѣлъ рядомъ съ людьми, какъ напр. гр. Палинъ, гр. Блудовъ, Перовскій, которые головою выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Не имѣя большихъ свѣдѣній и всеобъемлющаго ума, онъ, въ новомъ положеніи, не могъ имѣть того самостоятельнаго значенія, которое онъ имѣлъ въ управленіи хозяйственною частію Военнаго Министерства, гдѣ онъ обнялъ предметъ, для настоящаго времени, вполне, обработалъ его отчетливо и установилъ стройно и скоро. Съ Кавказомъ онъ уже не могъ справиться: неизвѣстность мѣстности, множество и разнообразіе предметовъ разсѣяли его и, хватая одни верхки, онъ не зналъ что писалъ, пріѣхавъ послѣ ревизіи съ княземъ Чернышевымъ \*) въ Закавказскій Комитетъ. Надобно видѣть зыблемость, неопредѣленность вѣдомства и власти и вялость дѣйствій этого Комитета, чтобы убѣдиться въ слабости души его, которою

\*) Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ.

Руно же привезетъ не онъ,

А—Позень.

Тогдашняя острота С. А. Соболевскаго. П. Б.

долженъ былъ быть Позень. Связавъ главноуправляющаго отчетностью какъ провіантскаго комисіонера, онъ до того стѣснилъ его своими запросами и дозорами, что главнокомандующій долженъ былъ отписываться въ назначеніи или повышеніи какого нибудь участковаго засѣдателя. Безсиліе, а за тѣмъ и вѣроятное упраздненіе Комитета было слѣдствіемъ съ одной стороны безсилія и мелочной привязчивости управляющаго Отдѣленіемъ, и съ другой—ничтожности производителей дѣлъ, гдѣ между незнающими людьми самый знающій былъ Бутковъ, имѣющій одинъ навыкъ къ работѣ, безъ всякихъ другихъ основныхъ средствъ. Можетъ быть, Позень опять всплыветъ на верхъ (трудно); можетъ быть, отставъ отъ марша фаланги, останется внизу. Въ этомъ случаѣ человѣкъ этотъ по прямому взгляду и быстротѣ соображеній будетъ и въ частномъ быту замѣчательнѣе. Я совѣтую ему принятыя за хозяйство и наковать милліоны, къ чему онъ имѣетъ такъ много склонности, умѣнья и счастья.

\*

Авторъ книжки: *la Russie envahie par les Allemands* (которымъ несправедливо считаютъ бывшаго директора Вигеля) между многими замѣчательными разсужденіями и свѣдѣніями, сообщаетъ слѣдующій анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II-й: *Un jour, obligée d'être saignée et présentant courageusement le bras à Rogerson, son médecin anglais, elle lui dit: „saignez, saignez moi bien, afin qu'il ne reste plus une seule goutte de sang allemand dans mes veines“* \*). Это похоже на великую Государыню, которая, введя въ Остзейскія губерніи общія учрежденія, писала въ инструкціи генералу-прокурору (кн. Вяземскому), что провинціи эти все въ лѣсъ смотрятъ.

И нынѣ у насъ много Нѣмцевъ, партія Остзейская весьма сильна въ Совѣтѣ и Комитетѣ. Отдѣльность и отвращеніе этихъ губерній отъ насъ очевидны, но господства Нѣмецкаго уже нѣтъ, и преимущества уравнились съ общими, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ и внутреннихъ губерніяхъ. Невольно добираются до старыхъ установленій Остзеи, и невольны принимаютъ они нашу печать и наши улучшенія.

\*

Содержатель сборовъ въ Бессарабіи, бывшій директоръ д. м. ф. по этой части, потомъ попечитель Одесскаго Учебнаго Округа Княжевичъ, за прошедшее пятилѣтіе имѣлъ убытку до милліона рублей. Самъ онъ разорился немного, но разорилъ многихъ залогодателей. Не

\*) Однажды, когда ей понадобилось пустить кровь, она бодро протянула руку Рожерсону, своему Англійскому врачу, и сказала ему: пускайте, пускайте побольше, чтобы въ жилахъ у меня не оставалось болѣе капли Нѣмецкой крови.—Книжечка, изъ которой это взято, написана Ф. Ф. Вигелемъ. П. Б.

помогли ни сотоварищи, ни братья, ни прежніе сослуживцы. Недовольствуясь этимъ, казна, при новыхъ откупахъ, ввела въ условія особый § о сборѣ откупщикомъ акциза съ вина продаваемого помѣщиками, не имѣющими собственныхъ заводовъ. Откупщикъ Абаза поддалъ болѣе милліона, и этимъ очевидно нарушаетъ мѣстные права тамошнихъ помѣщиковъ безъ сношенія съ главнымъ начальствомъ и безъ всякаго вѣдома помѣщиковъ. Начались тяжбы, ходатайства. Откупщикъ угрожаетъ разореніемъ, помѣщики жалуются на стѣсненія и нарушенія правъ, главное начальство представляетъ объ упадкѣ земледѣлія. Дѣло длится третій годъ, томы растутъ, недонмки пополняются. Да отъ чего же все это вышло? Чтò всего страннѣе, это именно то, чего не хотятъ замѣтить, отъ чего это произошло. Такъ дѣлаются у насъ всѣ дѣла.

\*

Сегодня, 17 Марта 1845 г., крещеніе В. К. Александра Александровича и множество милостей: князю Васильчикову—маіоратъ, кн. Волконскому 400 тыс., Принцу Ольденбургскому—Импер. Высочество, графу Нессельроде—канцлерство; генералъ-лейтенантовъ, шефовъ еще болѣе. Трудно согласить ропотъ на награды, особенно Волконскому и Нессельроде. Чины и вообще награды болѣе и болѣе теряютъ цѣну. Это жаль. Умно употребленное орудіе это прекрасный двигатель правительственныхъ видовъ и средствъ пріобрѣтенія замѣчательныхъ талантовъ.

\*

Графъ нынче въ шутку сдѣлалъ мнѣ весьма строгое замѣчаніе за отзывы мои, безъ должнаго уваженія, о трудахъ гр. Д. Н. Блудова. Это несовсѣмъ несправедливо. Между тѣмъ (прибавилъ онъ) вчерась, при слушаніи представленія о моей наградѣ, графъ Блудовъ отозвался Комитету съ самой лучшей похвалою о моихъ способностяхъ, о моихъ трудахъ и познаніяхъ. Это мнѣ не совсѣмъ ясно. Я былъ весьма часто различнаго мнѣнія со Вторымъ Отдѣленіемъ, часто для того, чтобы противорѣчіемъ—при безмолвномъ и безусловномъ согласіи моихъ сочленовъ и начальниковъ—выиграть что нибудь въ важномъ дѣлѣ, миновавшемъ рукъ нашихъ. Я всегда уважалъ прекрасныя качества души и быстроту взгляда гр. Блудова. Онъ богобоязливъ, снисходителенъ и имѣетъ многостороннее образованіе; но я всегда замѣчалъ и по выше упомянутой причинѣ не скрывалъ, что труды его, въ полномъ смыслѣ добросовѣстные и просвѣщенные, имѣютъ недостатокъ въ практическомъ примѣненіи и, такъ сказать, не по плечу намъ, слишкомъ явно носятъ печать теоріи и отвѣтствуютъ требованіямъ

болѣе будущаго, нежели настоящаго. Я бы желалъ имѣть случай отблагодарить гр. Блудова за его обо мнѣ мнѣніе.

\*

Я читалъ небольшое сочиненіе: *La Russie en 1844. Système de législation, d'administration et de politique, par un homme d'état russe.* Если бы не нѣкоторыя грубыя ошибки, то можно бы было дѣйствительно повѣрить, что оно писано Русскимъ. Во всякомъ случаѣ участіе Русскаго очевидно какъ изъ весьма вѣрныхъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о нашихъ отношеніяхъ, такъ и изъ частныхъ извѣстій о мелкихъ событіяхъ и личностяхъ.

Я читалъ „Тарангасъ“ графа Влад. Сологуба. Это сочиненіе имѣетъ большой успѣхъ, написано легко и широко, заключаетъ въ себѣ много Русскаго и должно имѣть полезное вліяніе на насъ, въ томъ сознаниі, что требуетъ вызова. Часто оно напоминаетъ Мертвыя Души Гоголя и излагаетъ въ видѣ путевыхъ разговоровъ и впечатлѣній то сдѣлавшееся почти пошлымъ ученіе о народныхъ элементахъ жизни, которому такъ много поборниковъ, особенно въ Москвѣ, въ пріѣзжающихъ на время и въ недовольныхъ нашихъ путешественникахъ. Я съ ними не совсѣмъ согласенъ; я думаю, что время народности есть періодъ переходный, и потому нечего надъ нимъ долго пріостанавливаться. По мнѣнію моему надобно стремиться къ тому, чтобы положить въ основаніе жизни тѣ общія условія человѣчества, которыя остаются навсегда или по крайней мѣрѣ на долгіе годы. Не могу однако не замѣтить, что ученіе это—естественная реакція иноплеменнаго вліянія съ начала XVIII столѣтія, пробудившееся особенно послѣ 1812 г., довольно распространено и распространяется. Особенно сильна привязанность къ нему въ новомъ поколѣніи, которое быстро растетъ и быстро подвигается поощреніемъ правительства въ видахъ искорененія зла людей прежняго покроя. Не удивлюсь я, если ученіе это проявится и въ актахъ правленія и законодательства. Оно уже и проявляется. Сводъ нашихъ законовъ показалъ и показываетъ неполноту и неудовлетворительность нашихъ учрежденій и постановленій. Пересмотръ законовъ (мысль, заимствованная изъ Пруссіи) дѣлается уже подъ вліяніемъ этого ученія: обращаются къ памятникамъ, ищутъ повѣрки мѣстной, стараются сблизить законъ съ требованіемъ массы.

Нельзя не замѣтить, что, живя подъ иноплеменнымъ вліяніемъ около 140 лѣтъ, живущее поколѣніе должно будетъ сдѣлаться жертвою этой реакціи, какъ терпѣло въ первые годы иноплеменнаго вліянія поколѣніе современное. Итакъ все терпѣть и терпѣть, да въ этомъ-ли назначеніе государства?

\*

Я уѣзжаю въ отпускъ къ моей матери, а между тѣмъ здѣсь, въ министерствѣ, готовится, по видимому, важныя перемѣны. Если вѣрится невѣрному моему сотоварищу, министръ тяготится своимъ товарищемъ, называя его „портретомъ“ приколоннымъ и убраннымъ для живописца. Онъ отпустилъ его до 15 Іюня, по письму своего правителя канцеляріи отсрочилъ ему даже до 24, между тѣмъ нынче 29, его нѣтъ, а графу надобно ѣхать въ чужіе края. Вчерась посланъ курьеръ въ погоню: если нынче въ 5 часовъ товарищъ не будетъ, подносится указъ объ управленіи министерства сенаторомъ А. Ѳ. Веймарномъ. Надобно признаться, выборы удачны.

Третье путешествіе мое къ матери въ Іюль 1845 года. Я былъ у матери въ 1832 г. по окончаніи курса въ Университетѣ, въ 1840 г. по смерти брата Леонида и въ 1845 г. Запишу это время. Я отправился 29 Іюня. Въ Москвѣ едва успѣлъ видѣться съ А. Е. Кашкиною и В. П. Прончищевой—прекрасною женщиной, какую я когда либо зналъ и видѣлъ. Два-три часа, проведенные съ нею, сблизили насъ душевно, и я полюбилъ ее какъ душу чистую и испытанную, головку хорошенькую и живую, сердце нѣжное и откровенное. Мнѣ кажется, я женился бы на ея дочери, если бы хоть одна совершенно на нее походила.

Взявъ сестру и племянницу-дочь, я поѣхалъ въ Нижній и пріѣхалъ 4 Іюля, упалъ въ ноги и обнялъ мою старушку. Благодарю Бога за это свиданіе, исполнившее душу мою чувствомъ семейнаго кровнаго удовольствія. 8 Августа пріѣхали Константинъ и Клавдій съ женою. И такъ я видѣлъ все мое семейство. Добрая мать моя видимо стала старѣе и слабѣе. Благодаря содѣйствіямъ А. В. П., я думаю о ея устройствѣ. Мать не знала какъ сѣсть, взглянуть и сказать, чтобы угодить своему сыну. Меня это трогало и мучило. Я и она были связаны и въ постоянномъ спорѣ предупредительности. Прекрасное сердце ея часто вздыхало о братьяхъ; взглядъ Мери напоминалъ невозвратную потерю. Милая Евлампія сдѣлала все, чтобы успокоить меня. Я не могъ безъ глубокой признательности видѣть усилія ея сократить пылкость своего характера и—признаюсь—въ этомъ отношеніи пребываніе мое было для нея даже полезно. Она здорова и чувствительна.

Въ Москвѣ я провелъ время съ 11 Августа по 4-е Сентября. Москва снаружи улучшается, строенія чище, бульвары разрослись, лавки очистились, Кремль громоздится, въ противень ему масса—храмъ и черезъ рѣку два моста. Иное пріятно, другое жаль. Кремлевскій садъ очень хорошъ, но Спаса на Бору взяли ко двору. Мануфактура быстро усиливается, но она груба, потребители имѣютъ мало вкуса. Площадь, напр. Петровская, обстраивается въ прекрасный



фрунтъ, Кремль весь изъ отличныхъ зданій, но все это томно, скучно и вяло. Можетъ быть, несправедливо говорить, что Московскія дамы:

Дурно одѣваются,  
 Дурно говорятъ по-французски,  
 Весь день въ блузахъ  
 Порядочно циничны въ сальныхъ разсказахъ.

Вообще въ Москвѣ много и даже слишкомъ много нараспашку. Прическа, à мужикъ, пестрые панталоны, красная рубашка, блуза и пальто, праздность и болтовство, порицаніе и самоувѣренность въ большомъ употребленіи. Обманъ и раззореніе еще болѣе. Развратъ. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы видѣть ее. Она была довольно пуста. Небольшія связи мои едва давали мнѣ средства узнать Московское общество. Я его и не узналъ. Послѣ обычныхъ визитовъ я хотѣлъ видѣться съ Московскими учеными: я былъ у М. П. Погодина. Эти люди по прежнему готовы на обветшалые возгласы: Россія необозрима, могущественна, просвѣщеніе льется, поощренія дешевы, народъ-молодецъ. Это не только скучно и глупо, но даже преступно. Возгласы эти вскружили голову, и еиміамъ такъ сдѣлался обыкновеннымъ, что требуютъ уже не словъ, а дѣйствій, не похвалъ, а раболѣпства. Я желалъ поговорить съ Московскими учеными о вредномъ вліяніи поощреній какъ ученыхъ или умственныхъ, такъ и промышленныхъ или матеріальныхъ. Поощреніе есть—въ глазахъ моихъ—нарушеніе естественнаго порядка, послѣдовательнаго развитія, а всякое нарушеніе ведетъ къ смѣшенію. Мы дошли до этого времени и слѣдовательно пришли къ противодѣйствию, къ ограниченіямъ. Въ Москвѣ мало видятъ это. Они не знаютъ, что манифестъ о дворянствѣ есть только одна изъ числа многихъ мѣръ, составляющихъ сѣть ограниченій. Я не знаю, скоро ли кончится ребяческое соревнованіе государствъ и народовъ нашего образованнаго міра. Дерзость, напыщенность и близорукое самолюбіе публицистовъ, истребляя личныя достоинства, раздражаютъ это соревнованіе и вредятъ высшимъ христіанскимъ интересамъ человѣчества. Я вѣрю, что это должно помниться, и что тѣмъ вѣрнѣе и обширнѣе будетъ достиженіе, чѣмъ упорнѣе сопротивленіе. Соревнованіе это въ видахъ развитія, даже полезно, вырабатывая внутреннія силы, національные элементы націй; но для меня прискорбно видѣть злобу этого соревнованія, видѣть, какъ тѣсныя системы стѣсняютъ отношенія частныя и, сторожа о государствѣ, не брегутъ ни чело- вѣка, ни человѣчества. Соревнованіе это начинается тѣмъ, что всякая нація прилагаетъ себѣ эпитетъ „великой“. Такимъ образомъ великая Французская нація, Англійская, Нѣмецкая, Польская, даже Датская и т. п., и всякая великая нація забываетъ о другихъ, съ нею сросшихся,

пренебрегаетъ сосѣдей, ищетъ первенства, образуетъ исключительное свое единство—политическое, административное, церковное, ученое, торговое. Я считаю настоящее положеніе, по преимуществу, переходнымъ. Идея національнаго единства, развившись и вполнѣ отразившись, разольется на всѣ сродныя части, какъ скоро интересы обозначутся, и идея, теорія, сдѣлается цифрою и очевидностію. Назадъ тому лѣтъ 10 никто не думалъ о національной учености, нынѣ даже и объ этомъ думаютъ вопреки всѣмъ явленіямъ общей образованности. Правительства, не говоря объ этомъ, прямо, стремятся къ осуществленію ея косвенно путемъ образованія юношества по министерской программѣ. Мѣра половинная и мысль мелкая! Строя дороги и пароходы, пересылая журналы, книги и учителей, вы хотите учредить національное образованіе! Нѣтъ, для этого нужна національная атмосфера, границы на моряхъ и въ воздухѣ, или первобытные вѣка и Китайскія стѣны. Вы не учредите національнаго образованія, а стѣсните мѣрами своими частную жизнь. Стѣсненіе частной жизни колеблетъ семейственныя основанія и портитъ общество, а чрезъ это изсушаетъ чувства привязанности, которыхъ никогда не вдохнетъ напыщенная декламация публицистовъ и систематистовъ, ласкающая національную гордыню. Молю Бога образумить насъ и просвѣтитъ предъ очами нашими тѣ высшія цѣли человѣческаго стремленія, которыя составляютъ конечно назначеніе и къ которымъ лучше теперь же стремиться, нежели противодѣйствовать имъ: ибо, рано или поздно, онѣ возмутъ свое, а лучше получить равнѣе то, чтò во всякомъ случаѣ назначено на общую и неизбѣжную долю.

\*

Сегодня была рѣчь о моемъ вице-директорствѣ. Съ удовольствіемъ желалъ бы я вполнѣ показать мою дѣятельность и доказать, что измѣнить и улучшить настоящее неудовлетворительное наше вѣдомство вовсе немало трудно, какъ думаютъ.

Всякій разъ, когда я бѣгаю между людьми, я возвращаюсь къ себѣ менѣе человѣкомъ. Легче совсѣмъ молчать, нежели не говорить излишняго; легче укрываться отъ сообщества, нежели блюсти себя въ немъ какъ должно. Никто безопасно не говоритъ, если не любитъ молчать.

\*

Прочтя о Вашингтонѣ, я въ часъ отправился въ маскарадъ. Толпа и болтовня. Царь, Наслѣдникъ и Герцогъ\*) гуляли съ масками. Я пробылъ полчаса времени и удалился. Третью ночь у меня нѣтъ сна.

\*

---

\*) Зять Государя, Максимилианъ Лейхтенбергскій. П. Б.

Мы разсматривали проект „положенія о прокурорскомъ надзорѣ“, составленный молодымъ начальникомъ отдѣленія Романовскимъ. Этотъ незрѣлый трудъ составлялся около двухъ лѣтъ, приготовленія были медленны, исполненіе поспѣшно и небрежно. Министръ приказалъ разсматрѣть его на консультаціи—очевидно, чтобы остановить. Разсмотрѣніе походило на шутку. Трудъ этотъ требуетъ совершенной переработки. Я не знаю что уже и сказать, если онъ приметъ рѣшительный ходъ и не знаю что и подумать, если онъ будетъ утвержденъ.

\*

Сегодня рассказывали мнѣ о двухъ карикатурахъ. Одна представляетъ коляску, заложенную архіереями, попами и дьячками; въ ней сидитъ оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ; на козлахъ, съ длиннымъ бичемъ, сидитъ митрополитъ Антоній. Баринъ приказываетъ кучеру: „погоняй скорѣе, получишь Андрея“. Это по случаю пожалованія Андреевской ленты Антонію. Угодливый митрополитъ не совсѣмъ нравится своею готовностью на взысканія, въ которыхъ священство и народъ не замѣчаютъ монастырской строгости. Другая карикатура представляетъ продавца коноплянаго масла на Сѣнной площади. Онъ расторопно отвѣшиваетъ на безмѣнъ четвертушку, а Л. А. Перовскій съ большимъ вниманіемъ смотритъ и повѣряетъ правильность продажи, будучи занятъ исключительно этой сценой, а позади его стоятъ гербы разныхъ губерній съ подписями: поджогъ, убійство, грабежъ, разбой, нищета, самоуправство, голодъ. Министръ внут. дѣлъ не обращаетъ вниманія на эти гербы и подписи, занимаясь исключительно мелочною продажею коноплянаго масла. Вообще дѣятельность Перовскаго была поводомъ множества забавныхъ анекдотовъ, и купечество, которому достается по карману, съ неудовольствіемъ смотритъ на мѣры торговой полиціи. Нельзя при этомъ не замѣтить общаго направленія государственныхъ нашихъ правителей: это—желаніе искоренить злоупотребленія. Въ народѣ твердо убѣжденіе въ томъ, что начальники дѣлаютъ по докладу секретарей, а секретаря или мелкіе чиновники дѣлаютъ все изъ взятокъ. Убѣжденіе это, имѣющее несомнѣнно основаніе, раздѣляютъ Государь и даже Европейскіе журналы, возстающіе на бюрократію. Съ этимъ убѣжденіемъ вступаютъ министры въ управленіе и начинаютъ тѣмъ (какъ гр. Панинъ), что берутъ все дѣла къ себѣ и, устроивъ секретарей, тонуть во множествѣ, или (какъ Перовскій) наряжаютъ сыщиковъ и ловятъ мелкихъ мошенниковъ. До вступленія они имѣютъ планы улучшеній и преобразованій. Занявшись подробностями и зайдя въ лабиринтъ канцелярскихъ формъ, они оставляютъ эти планы, опасаясь послѣдствій въ ихъ исполненіи и оттого—какъ въ ветхомъ кораблѣ—замазываютъ одну скважину, а вода течетъ по-

токомъ въ другія. Нѣкоторые, отказавшись отъ мелочныхъ поправленій, принялись за личный составъ, полагая уменьшить злоупотребленія уменьшеніемъ злоупотребленій чрезъ лучшее назначеніе мѣстныхъ правителей. Здѣсь взяли правиломъ: назначить людей образованныхъ и сколь возможно независимыхъ по состоянію и дорожащихъ значеніемъ своимъ въ обществѣ. Такихъ людей, во первыхъ, немного; во вторыхъ, они не прочны, ибо соскучась бѣгутъ, а въ третьихъ—это таже исторія предсѣдателя и секретаря. Принявшисъ за дѣла, новый правитель убѣждается, что онъ дѣлъ не знаетъ. Не обращаясь къ подозрительнымъ секретарямъ, онъ, какъ и министръ его, рѣшается все дѣлать самъ. Тутъ кромѣ труда и скуки представляется новое обстоятельство: побужденіе и наложеніе взысканій того же министра, и измѣненіе отношеній, по мѣсту, къ тѣмъ лицамъ, которыя прежде были въ равныхъ и даже въ отношеніяхъ угодливости и покровительства. Охотникъ бросаетъ охоту, а дичи является еще болѣе.

Не понимаю, какъ не хотятъ убѣдиться въ томъ, что употребляютъ службу во зло оттого, что, по произволу начальства, она отдается во временное пользованіе, какъ бы на аренду (кто не захочетъ ею пользоваться?) и что для привлеченія благоразумныхъ хозяевъ для этой аренды и предупрежденія своекорыстныхъ, иногда наглыхъ, извлеченій выгодъ, надобно сдѣлать службу фондомъ, постоянною собственностью. Тогда мнѣ не для чего и грабить. По нѣкоторымъ вѣдомствамъ нынѣ воздѣлываютъ служебное поприще, съ круговымъ ручательствомъ. Служебный уставъ есть первая необходимость. Чтобы актъ былъ не мертвая буква, надобно, чтобы онъ исполнялся и чтобы точное исполненіе его было выгоднѣе злого употребленія; а для этого нужны исполнители, увѣренные въ поощреніи постепеннымъ возвышеніемъ въ мѣстахъ и окладахъ за добрую службу. „Въ маломъ былъ вѣренъ, надъ многимъ ты поставлю“.

\*

Сегодня (12 Мая 1845 г.) я присутствовалъ при торговой казни. Молодой преступникъ 25 л., за убійство своего господина и ограбленіе его, подвергнутъ наказанію кнутомъ, чрезъ палача, 30 ударами. Дѣйствіе этой драмы производилось поутру, въ 9-мъ часу, на конной площади, при большомъ стеченіи народа, стоявшаго на возахъ, на перилахъ, на скамьяхъ и доскахъ, поставленныхъ мелкою промышленностью. Мѣсто казни окружено солдатами и жандармами.

\*

Общія мѣры улучшенія государственныхъ служащихъ у насъ не совсѣмъ удачны. Теперь распространилось довольно сильно то правило, чтобы сажать молодыхъ и ученыхъ, вмѣсто старыхъ неученыхъ.

Мнѣ кажется, при этомъ забываютъ важное начало служебнаго міра: общественное достоинство, или важность значенія, умственная серьезность, свѣтская выдержка, которыя всегда и вездѣ привыкли соединять съ почетными постами. Наши высшіе чиновники похожи на школьниковъ. Это забвеніе достоинства умаляетъ уваженіе къ мѣстамъ и лицамъ и—самое довѣріе къ правительству. Преобразователи немного должны бы подумать объ этомъ обстоятельстве, которое рядомъ съ системою ограниченій грозитъ весьма вредными послѣдствіями.

\*

Я до сихъ поръ не могу понять, какъ живы и свѣжи мои впечатлѣнія и чувствованія и какъ мало опытъ умирить ихъ раздражительность. Есть много хорошаго въ этой прямотѣ, въ этой выразительности, но есть много и дурнаго, особенно для успѣховъ по службѣ. По прїѣздѣ моемъ я нашелъ директоромъ оберъ-прокурора Карниолинъ-Пинскаго, съ которымъ я давно знакомъ и (какъ многіе несправедливо думаютъ) знакомъ близко и искренно. Кажется, я его знаю. Мы служимъ невмѣстѣ, но успѣли уже раза три столкнуться и вѣроятно столкнемся не три раза. Я увѣренъ, что выдержу эту борьбу, но желалъ бы лучше не имѣть ея.

К.-Пинскій человекъ съ большою энергіей, не признаетъ величій, любящій значеніе для свѣта, въ которомъ до сихъ поръ онъ такъ мало значилъ. По этой причинѣ онъ крикливъ и заносчивъ, но мало увѣренъ и трусливъ. Недостатокъ образованія и теоретичность знанія дѣлаютъ его неловкимъ и грубымъ въ поступкахъ и работахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ зазнается, оскорбитъ самолюбіе другихъ и—по прежнему обычаю—съ увеличеніемъ круга отношеній увеличитъ число недовольныхъ. Несмотря на откровенность со всѣми, онъ ни съ кѣмъ не друженъ. Года три тому назадъ онъ принялъ систему покровительства воспитанниковъ Училища Правовѣднія, что пріобрѣло ему любовь молодыхъ людей и покровительство Принца Ольденбургскаго. Это дало ему политически благовидный предлогъ—распространить свою извѣстность гоненіемъ людей стараго времени.

Замѣчаю это для дальнѣйшихъ наблюденій. Онъ былъ въ ежевыхъ рукахъ бѣдности, но онъ забываетъ нужду. Онъ не уважаетъ несчастія и опасности дружбы, онъ завистливъ и увлекается собою до лжи. Безъ графа Панина онъ пойдетъ быстрѣе, но, не имѣя творческаго таланта, онъ не ознаменуется себя никакими полезными мѣрами. Мнѣ кажется, онъ обанкрутится.

\*

Я читалъ *Dreizig Jahre in Russland von Edward Rudolff*, 2 части въ Цюрихѣ. Сочиненіе очевидца, но во всѣхъ отношеніяхъ ниже

сочиненія Кюстина. Много фактовъ позднѣйшихъ, но мелкихъ; по всему видно, что это писалъ человекъ, знающій Россію, но знающій ее съ самой невыгодной стороны, бѣдный иностранецъ, застрявшій въ дѣлахъ по паспорту съ квартальнымъ писаремъ или не разъ надутый гостинодворцемъ. Замѣчанія его добросовѣстны, но онъ не знаетъ ихъ источника, а еще менѣе—путей улучшенія. Нѣкоторыя страницы написаны съ сердцемъ, еще пылающимъ кровью. Между Нѣмцами сочиненіе это должно произвести глубокое впечатлѣніе.

\*

Государь уѣхалъ въ чужіе края для сопровожденія Императрицы въ Неаполь, въ Палермо. Говорятъ, что онъ останется тамъ довольно продолжительное время. Намъ объявлено высочайшее повелѣніе о представленіи дѣлъ Наслѣднику, который будетъ разрѣшать ихъ принятымъ порядкомъ (т. е. именемъ Государя), излагая: назначенія на мѣста, о которыхъ подносятся указы къ подписанію, сверхсметные расходы кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ и новыя законоположенія. О разрѣшаемыхъ дѣлахъ посылаются Государю вѣдомости.

Злые языки болтаютъ о томъ, что не та пора, чтобы ѣхать въ Палермо, что Государь ѣдетъ туда надолго для Нелидовой, что поездка эта стоитъ огромныхъ суммъ, а между тѣмъ даже войску не даютъ жалованья, что и безъ того наши визиты считаются нивочто и остаются безъ уплаты....

Или избалованность наша слишкомъ велика или есть неумолчный внутренній голосъ, требующій непреложныхъ убѣжденій, или наконецъ данныя открытыя нами и вѣрованія не для всѣхъ и не вполнѣ удовлетворительны; должно же быть что нибудь, какая нибудь причина, какой нибудь поводъ этому повсемѣстному религиозному броженію въ народахъ Западной Европы. Броженіе это сильно и, переходя въ дѣйствительную жизнь, губительно: изъ книгъ оно переходитъ въ аудиторіи, въ собранія, въ митинги и изъ отвлеченнаго вопроса дѣлается правиломъ поступковъ, изъ внутренняго убѣжденія требованіемъ внѣшняго права.

Приходитъ время и въ Россіи для дѣйствительности началъ и практическаго примѣненія ученій. Время важное, трудное, требующее большой проницательности нашихъ правителей.

Наши иностранные учителя и порицатели ни одинъ не обратили вниманія на три важные и бросающіеся въ глаза недостатка нашего управленія:

Назначеніе представителей власти безъ всякаго вниманія къ довѣрію и уваженію, къ лицу ихъ общества. Назначеніе ревизіи, унижающее достоинство власти и стѣсняющее ея дѣйствія. Нерѣдко эти ревизіи компрометируютъ и самую власть высшую. Безсиліе и ограниченіе

правъ мѣстной власти въ поощреніи и взысканіяхъ, въ постановленіи правилъ и въ принятіи побудительныхъ мѣръ къ ихъ исполненію. Хотя это весьма полезно въ видахъ централизаціи, но неопредѣленность закона въ семь случаѣ, по настоятельности рѣшительныхъ дѣйствій, ведетъ и приводитъ къ произволу губернаторовъ и городничихъ. И чѣмъ дробнѣе законъ, тѣмъ онъ податливѣе.

Надобно удивляться, какіе успѣхи вездѣ и у насъ сдѣлала свобода сужденій и свобода печатанія. Кажется, монархическое начало подымается въ самомъ основаніи. Противодѣйствіе его конечно довольно сильно, но оно знаменуется путями закона, развитіемъ и утвержденіемъ государственнаго права, а мѣра эта въ самой себѣ заключаетъ ограниченіе власти: распространяя свое вліяніе, государственное право соприкасается съ массою и въ каждомъ пробуждаетъ самосознаніе, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ въ свой распространенный кругъ болѣе и болѣе своихъ исполнителей, которые, соревнуя другъ другу, необходимо должны опираться на законъ и со временемъ необходимо сдѣлаются, въ очевидный подрывъ власти, исполнителями и представителями закона. Такъ непримѣтно развитіе силы, дробясь и распространяясь, теряетъ самостоятельную выразительность и постепенно слабѣетъ, какъ разлитіе рѣки, оплодотворяющей луга и поля своими неглубокими водами.

\*

Мы имѣли продолжительный и довольно неравнодушный разговоръ съ М. М. Карн.-Пинскимъ. Я сдѣлалъ изъ него три заключенія: 1, Что ему хочется весь составъ департамента имѣть изъ своихъ людей, безусловно ему преданныхъ; 2, Онъ полагаетъ, что гр. Панинъ не воротится; въ упрекахъ своихъ онъ безпрестанно повторялъ: Вы съ Панинымъ... что сдѣлали, что исправили; и 3, Онъ желаетъ всѣми мѣрами прямого подчиненія моего отдѣленія, можетъ быть для того, чтобы употребить право репрезалий, можетъ быть—чтобы сосредоточить дѣла, а можетъ быть и потому, что въ кругъ нынѣшнихъ занятій ему скучно. Формальный человѣкъ этотъ очень желченъ.

Я давно узналъ и убѣдился, что на извѣстной высотѣ начальства доброта не должна идти впередъ справедливости. Доброта можетъ имѣть мѣсто въ личныхъ пожертвованіяхъ, но не въ дѣйствіяхъ власти, принадлежащей мѣсту, а не лицу. По этому, при всемъ желаніи моемъ достигнуть высшаго значенія, я опасаюсь, чтобы любовь моя къ ближнему и уваженіе несчастія не имѣли вредныхъ послѣдствій. Надобно быть равнодушну къ бѣдности и бѣдствіямъ, надобно признать какую-то необходимость въ неравенствѣ жителей и отказаться отъ общаго улучшенія личными усиліями. А мнѣ кажется это совершенно невозможно. Бываютъ ребяческія минуты, когда я хотѣлъ бы разор-

ваться на части, чтобы утолить голодныхъ или исчезнуть эфирною мыслию въ постоянныхъ помыслахъ о благѣ ближнихъ или наконецъ сразиться открыто и на смерть съ поборникомъ противныхъ мыслей. Я приписываю это моему слабому здоровью и раздражительности нервъ.

Сцена Прусскаго короля съ магистратомъ представляетъ новое явленіе. Драма идетъ и приближается къ развязкѣ. Публичность дѣйствій приведетъ къ публичному праву.

По мнѣнію моему, замѣчательно мѣсто о присягѣ членовъ Импер. Дома въ установленіи закона 1797 г. о наслѣдіи престола. Основатель его призналъ нужнымъ укрѣпить его присягою. Каждый членъ Дома можетъ въ свою чреду, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, достигнуть престола, стать самодержцемъ. Чтѣ можетъ обязать волю самодержца? Одна совѣсть, одинъ судъ Божій, присяга.

Замѣчательны слова молитвы, которую Государь произноситъ съ колѣнопреклоненіемъ по совершеніи коронованія: „Буди сердце мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“.

Общія историческія свѣдѣнія изложены одностороннимъ образомъ. Образованіе знаменитостей: родовой при переходѣ по гражданству, — церковной, вызванной уваженіемъ къ духовенству и политическими видами государей, — промышленной, образовавшейся въ городахъ, — служебной, заимствующей силу свою отъ власти, и наконецъ ученой, выдвинутой на сцену политическихъ дѣлъ силою обстоятельствъ и происшествій — должно приписать постепенному развитію государства. Родовая аристократія (потомственная) и церковная находятъ пользу въ *сохраненіи* пользы другихъ аристократій, личныхъ. — Движеніе.

\*

Я сегодня видѣлъ отличную актрису Арюу-Плесси. Она замѣчательно умно выдержана и чтѣ всего лучше — имѣетъ все, чтобы еще усовершенствоваться: лѣта такія и голосъ. Какъ ни дорого она стоитъ намъ, но пребываніе подобныхъ артистовъ полезно; оно распространяетъ хорошій вкусъ и улучшаетъ нашихъ. Арюу-Плесси не молода, не красавица и изъ среднихъ талантъ первостепенный. Набодно впрочемъ поближе узнать ее.

\*

Теперь обстоятельства нашего министерства очень запутаны. Графъ Панинъ уѣхалъ въ чужіе края, „на нѣкоторое время“. Мы находимся въ нерѣшительномъ положеніи: думаемъ, что министръ воротится, а слухи носятъ, что онъ не воротится. Первое подтверждается нѣкоторыми нерѣшительными мѣрами настоящаго начальства, второе распо-



ряженіями графа при отъѣздѣ. Можетъ быть, министерство выиграетъ съ назначеніемъ новаго начальника; но едва ли выиграю я. Поэтому мнѣ серьезно хотѣлось бы устраниваться отъ управленія, въ которомъ сидитъ умный и полезный человѣкъ, но въ которомъ (опасаюсь я) отразится его жесткій характеръ, его завистливость и его неуваженіе къ несчастію. Излишній формализмъ много бы еще вреда не надѣлалъ.

Такъ измѣнчивы назначенія наши. Неужели это такъ, и я этому вѣрю?

Какъ часто человѣкъ, сбившись съ дороги, попадаетъ на худшую, желая поправить свою ошибку. Я ищу источникъ этого зла въ человѣческой хитрости: она сбиваетъ насъ, или въ человѣческой гордыни: она ослѣпляетъ насъ, или въ человѣческой ненасытности: она толкаетъ насъ. Счастливъ руководимый огненнымъ столпомъ божественнаго свѣта въ пустотѣ нашего міра, обуреваемого страстями и неизвѣстностью.

Я прочелъ романъ Eugène Sue *le Juif errant*. Не смотря на политическую цѣль романиста, картина его широка, мѣстами прекрасна, почти всегда одушевленная. Эта зависимость творчества отъ предположенной цѣли нерѣдко обнаруживается въ неестественности, преувеличеніи и неопредѣленности. Часто думаешь, что герои дѣйствуютъ такъ, а не иначе потому, что согласились съ сочинителемъ, и событія случаются потому, что такъ нужно автору. Живо дѣйствіе, ярки краски и рѣзки черты, но по прочтеніи романъ теряетъ весь интересъ, портреты превращаются въ скелеты, романистъ дѣлается утопистомъ или памфлетистомъ. Для меня большого бы стоило труда прочесть въ другой разъ—одному эту книгу.

\*

Государя (говорятъ) ожидаютъ въ Римъ. Длительность личныхъ сношеній уничтожаетъ дипломатическій корпусъ, величества нисходятъ на кресла министровъ въ конференціяхъ, и поставленные лицомъ къ лицу съ дѣломъ взаимныхъ требованій, не опасаясь униженія, вступаютъ въ пренія. Государя становятся людьми. Не знаю, пришла ли для этого пора въ другихъ земляхъ, но у насъ еще нѣтъ. Наше величество еще должно быть тождественно съ идеей источника торжественной правды и намѣстника Божія.

Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что мнѣ совершенно неизвѣстенъ свѣтъ и люди: такъ часто я попадаю въ просакъ, такъ мало я изучаю характеры, виды и положенія. Очарованный службою при молодомъ министрѣ, я принялся со рвеніемъ (даже излишнимъ) и, трудомъ поставя себя въ выгодное положеніе, нисколько не обратилъ вниманія, что для дальнѣйшаго успѣха мнѣ необходимо было узнать людей, сдерживать свои мнѣнія и сглаживать шерохова-

тость, чтобъ не толкаться, не напирать и не затягиваться. Глупо быть разувѣрену въ своемъ убѣжденіи, еще глупѣ думать все передѣлать по своему и при томъ вдругъ, круто поворачивая порядокъ, къ которому привыкли и не принимая во вниманіе мнѣнія другихъ, которые также о себѣ думаютъ, какъ и самъ ты. Труды и способности не составляютъ полного условія успѣха, какъ обнаженный станъ не можетъ служить идеаломъ прелести. Надобно умѣнье, нужно облаченіе. А я до сихъ поръ, какъ школьникъ, думаю объ истинѣ, не считаю времени, не разбираю людей и, завязываясь съ каждымъ шагомъ, отъ новаго напряженія вязну еще болѣе. Какъ новичекъ въ игрѣ, я каждую минуту все ставлю на карту. Ужъ перемѣнюсь ли я когда нибудь? Ужъ не благословить ли судьбу, пославшую на мою отвѣтственность участь матери, сестры, дочери, безъ которыхъ живость моихъ чувствъ и впечатлѣній давно бы еще болѣе разстроила меня съ людьми и обстоятельствами. Защитникъ постепенности,—я, самъ для себя, первый нарушитель ея.

Мнѣ очень тяжело мое положеніе, но едва-ли виною этого не самъ я. Что будетъ, то будетъ; молю Бога, посылающаго испытаніе, чтобы опытъ не помрачалъ во мнѣ свѣтлой цѣли—благосостоянія ближнихъ, и глубокаго чувства—любви къ правдѣ и снисхожденія къ слабостямъ, заблужденію и несчастію.

Я серьезно обдумываю, какъ бы мнѣ удалиться изъ Петербурга и отъ этой безпокойной службы. Я серьезно думаю просить о мѣстѣ предсѣдателя, наприм. въ Саратовѣ. И если бы мнѣ дали прогоны, хотя небольшой подъемъ и получаемое нынѣ содержаніе, я, кажется, могъ бы успокоиться. Перемѣнить ли это предположеніе?

\*

Графъ Мечиславъ Потоцкій, владѣтель Тульчина, одинъ изъ богатѣйшихъ Западныхъ губерній, женился на Емилиі Швейковской, бѣдной дочери полковника Польскихъ войскъ, отягощеннаго долгами. Графъ не молодъ и не старъ, но не сошелся съ своею красавицей. Униженія и лишенія, которыя она переносила, не принудили однако Емилию, какъ она описываетъ, согласиться на предложеніе Мечислава—признать законными двухъ дочерей его побочныхъ, воспитывающихся гдѣ-то во Франціи. Ссора дошла до того, что онъ прибѣгнулъ къ насилію и даже рѣшился, изъ ненависти, отравить ребенка-сына и едва не задушилъ его, выхвата изъ рукъ матери. Тутъ, по жалобѣ Емилиі, дѣло дошло до правительства, при содѣйствіи генерала Фези, бывшаго свидѣтелемъ бѣдствій угнетенной супруги. По докладу Государю, Потоцкій посаженъ въ Кіевскую крѣпость, а для производства изслѣдованія посланъ

флигель-адъютантъ Скарятинъ, по словамъ злыхъ языковъ, любовникъ Емили Швейковской.

Сестра Мечислава, графиня Киселева пріѣхала въ Петербургъ и, по преданію Польскихъ магнатовъ, сдѣлавшихся Русскими барынями, громко ходатайствовали за брата, роптала и укоряла, особенно посылку Скарятина. Мечиславъ, по высочайшему повелѣнію, сосланъ въ Саратовъ. На дняхъ получено изъ Палермо (докладъ былъ по корпусу жандармовъ) повелѣніе о немедленной высылкѣ графини Киселевой съ запрещеніемъ ей вѣзжать въ обѣ столицы и жить вмѣстѣ съ Мечиславомъ. Цесаревичъ-наслѣдникъ, подъ личною отвѣтственностью, дозволилъ ей, для сборовъ, остаться нѣсколько дней въ Петербургѣ. Это произвело замѣчательное впечатлѣніе въ нашей публикѣ.

\*

Сегодня, 4 (5) Декабря, горѣлъ домъ дворянскаго собранія. Замѣчательно, что старикъ графъ Строгановъ, живущій обѣ стѣну, не зналъ и не слышалъ ни шума, ни суеты. Завидное положеніе полу-слѣпаго и полу-глухого старца.

Я читалъ еще сочиненіе объ нашей Россіи: „Die Mysterien Russlands, aus den Manuscripten eines Diplomaten, verfasst von Friedrich Lacroix“.

Это довольно серьезное сочиненіе, предпринятое въ видахъ разобличенія внутренней слабости, ужасныхъ мѣръ противъ присоединенныхъ провинцій и безнравственной политики Россіи. Авторъ все преувеличилъ. Впрочемъ сочиненіе носитъ печать искренности, и потому должно имѣть впечатлѣніе на всякаго читателя. Нѣкоторыя стороны схвачены удачно. Конечно, мѣры нашего правительства, олицетворяемаго въ Государя, иногда сильны, часто рѣзки, всегда обширны. Если бы состояніе наше и пространство имперіи, требующей единства, управлялись общими Европейскими мѣрами, то едва ли бы имперія сохранилась въ цѣлости и спокойствіи. Государю конечно нѣтъ нужды и нѣтъ охоты ни дѣлать несчастливыхъ, ни возбуждать неудовольствіе. Онъ дѣйствуетъ по необходимости, по убѣжденію. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ характеровъ, которые признаютъ свой долгъ—посланиемъ свыше, и свою власть—уполномочіемъ Божиимъ. Мѣры эти жестки, быстры—вините наше время. Быстрота его превосходитъ всякое описаніе. Впрочемъ, независимо отъ личныхъ чувствъ и дѣйствій Государя, многія мѣры требовали другаго основанія и инаковаго исполненія. Многія обратятся ко вреду, и я не знаю, о Боже мой, почему нынѣшнее поколѣніе есть жертва будущаго, къ которому устремлены эти мѣры, и потому поколѣніе будущее такъ мало воспользуется жатвою, для нея посѣянною!

\*

Митрополитъ Антоній разбить параличемъ. Это добрый первосвященникъ, уживающійся со властью безъ униженія, поддерживающій достоинство безъ самонадѣянности и добродушный безъ большаго притворства. Правда, всё эти качества отрицательныя, но не менѣе правда и то, что для положительнаго характера, который бы умѣлъ и могъ медлить и учредить упавшее духовенство наше, еще не пришелъ часъ. Наши пресвитеры—чиновники съ тою только разницею, что для нихъ нѣтъ Свода Законовъ и ихъ взятки дозволены. Замѣчательно, что, говоря о болѣзни митрополита, Петербургская публика спрашиваетъ: кто-то будетъ встрѣчать мощи Николая Чудотворца, купленныя у Неаполитанскаго короля съ согласія Папы? Я не думаю, чтобы митрополиты назначались для встрѣчъ и чтобы мы нуждались и находили спасеніе въ мощахъ изъ Неаполя и отъ Папы, хотя не ручаюсь, чтобы и то и другое, въ нашъ вѣкъ неправды, было неправда.

\*

Я удивляюсь, какъ Головинъ рѣшился издать свою книгу. Она, по ничтожности своей, вовсе не соотвѣтствуетъ придаваемому имъ себѣ значенію, и нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданію, по небрежности и поверхностному знанію, съ которыми она написана. И почему это *la Russie sous Nicolas I-er*? Очевидно, что выписки изъ Свода и переводы стиховъ Пушкина, Языкова и Баратынскаго были приготовлены прежде. Первые главы написаны въ дни и минуты перваго негодованія. Прочія статьи написаны и внесены для полноты. Жаль, что молодой человекъ не созрѣлъ и не вполне развился въ отечествѣ; еще болѣе жаль, что онъ началъ писать противъ правительства и писать ложь и сплетни. Онъ и при раскаяніи уже не найдетъ счастья. Грустная ошибка молодости!

\*

Сегодня, 16 Декабря, я послалъ отчетъ за 1845 г. по управленію уголовнымъ правосудіемъ. Это безцвѣтныя страницы, къ которымъ я приложилъ только свою подпись. Дамъ отчетъ себѣ.

Теченіе дѣлъ, сколько отъ меня зависитъ, весьма быстро. Просители ходатайствуютъ о рѣшенныхъ дѣлахъ. Нынче, съ Октября, число дѣлъ уменьшилось; управляющій департаментомъ, отдѣливъ для меня одинъ день, заставилъ рѣшать дѣла прямо исполнительными бумагами. Это недурно, но это не въ порядкѣ. Очень дурно, по моему мнѣнію и къ моему сожалѣнію, то: а) что частныя дѣла, по жалобамъ и просьбамъ, всегда почти разрѣшаются отказомъ или формальнымъ предписаніемъ, за урядъ, наблюсти и ускорить; б) что законодательные вопросы избѣгаются, и при нынѣшнемъ управленіи мѣстныя начальства даже опасаются входить съ представленіемъ, а между тѣмъ неполнота

и неточность постановленій и разнообразное понятіе и примѣненіе ихъ замѣчаются повсюду. При покойномъ Д. В. Дашковѣ принято было строгое правило примѣнять законъ буквально и не допускать, чтобы законъ былъ недостаточенъ. Важнѣйшія дѣла разсматриваются не съ должнымъ тщаніемъ, особенно обширныя производства о наказаніи болѣе 9 человекъ. Это такія грубыя массы писаной бумаги, для разбора которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты.

Часть законодательная обновилась изданіемъ Выс. утвержд. 15 Августа Уложенія о наказаніяхъ. Оно съ 1 Мая войдетъ въ дѣйствіе. Я ожидаю отъ него уменьшенія дѣлъ въ судахъ отдѣленіемъ многихъ въ полицейское и помѣщичье вѣдомства и большей опредѣлительности во многихъ случаяхъ; но составленное болѣе теоретически и съ излишнею подробностію, иногда многословіемъ, Уложеніе во многихъ случаяхъ даетъ возможность подбирать статьи или возбуждать споры и пререканія. Безъ хорошаго закона о подсудности оно непременно произведетъ смятеніе, и потому я опасаюсь на первое время отягощенія дѣлами. По министерству дано уже 4 циркуляра—доказательство неполноты Уложенія, при всей его подробности. Изъ частныхъ постановленій замѣчательно о Польской шляхтѣ. Я раскаяваюсь, что предложилъ дѣло въ тѣсныхъ размѣрахъ.

Наблюденіе за дѣлами, по недостатку средствъ, въ нынѣшнемъ году упало противъ прежняго. При настоящемъ порядкѣ управлять, оно упадетъ совершенно. Часть эта—важнѣйшая, и настоящая обязанность министерства требуетъ усилій и вовсе не такого возрѣвнія, какое имѣетъ на нее М. М. Пинскій, утверждая, что исправность и правильность устанавливаются строгостію взысканій.

Замѣчательно собраніе свѣдѣній о содержащихся подъ стражею. Въ теченіе года ихъ 105 т. человекъ самаго лучшаго народонаселенія. Число ужасное, если принято въ соображеніе, что изъ этого числа и  $\frac{1}{3}$  не признается дѣйствительно виновною и около 18 части подвергаются уголовнымъ наказаніямъ. Невнимательное и медленное производство дѣлъ и легкость арестованія весьма дорого обходятся казнѣ (по 3 к. ср. 1,155,000 р. сбр.), дорого обходятся странѣ, отнимая руки столь значительнаго числа лучшаго рабочаго, дорого обходятся и нравственности, распространяя порчу сообществомъ людей порочныхъ. Изъ 105,652 человекъ содержались:

За воровство . . . . .	35,885 ч.
За убійство . . . . .	9,250 ч.
За разбой и грабежъ . . . . .	2,675 ч.
Противъ вѣры. . . . .	2,293 ч.
За бродяжество . . . . .	31,202 ч.

За нарушенія Уст. Казен. 9,264 ч.

За поджоги . . . . . 2,235 ч.

Противъ правительства. 2,692 ч.

Воровство, бродяжество и блудодѣяніе существуютъ у насъ вездѣ и почти до циннизма. Я не помню дѣла, въ которомъ бы ихъ не было какъ придаточныхъ. Воруютъ особенно въ уѣздахъ—лошадей, въ городахъ, чиновники, деньги. Конокрадство и растраты суммъ, можно сказать, сдѣлались промысломъ. Въ губерніяхъ западныхъ разборъ шляхты произвелъ новый родъ промысла: составленіе и продажа документовъ на дворянство. Довчяно, Югъ, Петрикевичъ производили это по фабричному. Въ городахъ—мошеничество купцовъ, отставныхъ и мелкихъ чиновниковъ.

Убійствъ—умышленныхъ немного, хитрыхъ еще менѣе. Большая часть въ дракъ, въ запальчивости, дѣтей. Въ губерніяхъ восточныхъ и южныхъ убійство нерѣдко соединяется съ грабежами и разбоемъ. Довольно часто оно соединено съ возстаніемъ противъ власти помещиковъ. Большая часть убійствъ производится тупымъ или грубымъ орудіемъ. Отравленіе бываетъ болѣе по неосторожности и по невѣжеству, при лѣченіи отъ Венерической болѣзни. Были случаи убійства изъ ревности. Чаще всего убійство совершается въ пьяномъ состояніи. Въ послѣдніе годы являются самоубійства.

Поджоги не рѣдки, особенно съ 1842 г., когда имъ дали особенное значеніе, по случаю усиленія ихъ въ Волжскихъ губерніяхъ. Съ того времени и неосторожные и подозрѣваемые въ случайныхъ поджогахъ заключаются подъ стражу. Поджигаются барскія усадьбы отлученными отъ семейства крѣпостными, поджигаетъ сосѣдъ сосѣда изъ мщенія за ссору, но поджигаютъ и деревни, чтобы дать знать себя за попытку поимки или для лучшаго ограбленія. Впрочемъ пожары такъ часты, что трудъ поджога излишенъ.

Преступленія противъ вѣры—это ереси и расколы и—въ послѣднее время—совращеніе изъ Православія. Значеніе этихъ преступленій получило такую важность, что надобно ожидать его ниспаденія. Скопцы и совратители особенно многочисленны, первые на Югѣ, вторые на Западѣ.

Бродяжество есть наша дымящаяся рана. Ихъ больше нежели 31 т. Они рассованы въ арестантскія роты, они безпрестанно въ переходахъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Ихъ надобно полагать болѣе 60,000. Это мѣщане и казенные крестьяне, убѣгающіе рекрутства или проживающіеся на счетъ ближняго; это крѣпостные, ищущіе лучшей участи; чтѣ болѣе, это рекруты, солдаты и безсрочные. Бывали примѣры бродягъ дворянъ. Примѣры эти потому рѣдки, что они доходятъ до суда, когда сдѣланъ

подлогъ. Причина бродяжничества есть безъ сомнѣнія бѣдность. Вторая—тягость состоянія крѣпостныхъ и солдатовъ; третья—недостатокъ при-смотра; сюда относятся ссыльные и каторжные, которыхъ почти всегда встрѣтите, коль скоро есть шайка. Вообще—удобство бродяжничать по безлюднымъ пространствамъ и снискивать пропитаніе воровствомъ, милостыней, поденщиной или мелкими грабежами. Женщинъ бродяжничаетъ немного, но шайка и пара бродягъ уже непремѣнно имѣютъ свою дульцинею. Главнѣйшая причина бродячества—есть незавидная доля и отсутствіе привязанности къ бѣдной мѣстности и холоднымъ связямъ семейства.

Нарушенія уставовъ казеннаго управленія—корчемство и порубки. Дорого веселье и морозно время у насъ, а забыть горе и обогрѣться нужно было бѣдному человѣку. И тѣ и другія преступленія заслуживаютъ снисхожденія. Преступленія противъ правительства рѣдко обнаруживаются въ городахъ, въ ссорѣ и дракѣ съ часовыми и нарядными на гуляньяхъ. Во время пожаровъ въ Перми, Казани, Симбирскѣ и Кузнецкѣ неповиновенія возрастали до открытаго возстанія и самоуправства и даже до легальной оппозиціи, но это была случайность, строй сбился съ такта, не болѣе. Сопротивленіе и своеволіе у насъ являются въ черныхъ массахъ, въ крестьянахъ казенныхъ—по случаю введенія новаго управленія, по посѣву картофеля, по слухамъ обращенія казенныхъ въ удѣльные или въ приданое къ султану, по заведенію общественной запашки или по попыткѣ кадастра, а между крѣпостными по поводу дѣйствительныхъ или—большею частію—мнимыхъ злоупотребленій власти растлвѣніемъ дѣвокъ, отягощеніемъ работами или жестокими наказаніями. Въ Казанской и Вятской губерніяхъ казенные крестьяне образовали, такъ сказать, регулярныя толпы и схватки съ войсками, стояли жизни нѣсколькимъ десяткамъ. Причиною этихъ неустройствъ—невѣжество, а поводомъ,—слухи, подтверждаемые дурными распоряженіями мѣстныхъ начальствъ.

Общее мнѣніе у насъ самое непостоянное и невѣрное. Оно переходитъ отъ Воронцова къ Тимофѣеву, отъ Фейгина къ Позену, отъ Бехтера къ Бернардаки; оно мирится съ Чернышевымъ, Орловымъ. Бенкендорфомъ, коль скоро компаніи и подряды имъ дадутъ милліоны; оно ссорится съ Злобинымъ и Варгинымъ, если они ошибутся въ расчетѣ; оно косится на Демидова и Юсупова, если онъ не кормить и не упояетъ. Отъ высшаго до низшаго все стремится пріобрѣтать поболѣе денегъ, чтобы курить фиміамъ суетности. Особенно поощряетъ это казна и изъ казны—Военное Министерство. Здѣсь воровство не то что въ Юстиціи—преступленіе: здѣсь оно служба, видъ дѣла, выгода казны. Третью причину должно искать въ томъ, что у насъ

многое *лежитъ* на этихъ обширныхъ пространствахъ; лѣнивый и неловкій легко нарубить лѣсу, нажнетъ хлѣба, угонитъ табунъ. Чтò легко достается, то равнодушно и берется: надобно видѣть, какъ эти люди сыпать деньгами, бросаютъ цѣнностями, истребляютъ безъ жалости. Подумаешь, они имѣютъ и тратятъ не свое и даровому коню въ зубы не смотрятъ, а хлещутъ его, какъ воровской, не думая объ убыткѣ. Тѣсно съ этимъ связана переходчивость нашихъ сословій. Движимость политическаго значенія мобилизовала достоянiя.

Напрасно говорятъ, что мы отличные мошенники. Нѣтъ. Французы и Итальянцы въ этомъ гораздо выше насъ. До Евреевъ мы никогда не дойдемъ. Я не помню ни одного замѣчательнаго дѣла по мошенничеству. Тотъ продалъ не то, хромавшую лошадь, гнилое сукно, унесъ шубу мнимаго барина, на грошъ собралъ подписку, принесъ рекомендательное письмо. Мошенничество грубое, основанное на простодушии грубаго. У насъ просто крадутъ. Собственно Русское мошенничество—это сборы съ казны. Здѣсь преступленiе доведено до степени терпимой сдѣлки. Нажиться службою у насъ есть наука. Устранить эти причины можетъ и то едва ли можетъ скоро—только мощная власть и установленiе общественнаго мнѣнiя введенiемъ нѣкоторой гласности.

Любодѣянiе происходитъ отъ раздраженiя физическихъ требованiй, на удовлетворенiе которыхъ вызываются солдатики, оставленныя жены, несчастныя замужества и отсутствiе религiозности въ брачномъ союзѣ. Обилiе преступленiй произвело новое поощренiе его—бзнаказанность. Нѣтъ дѣла безъ блудодѣянiя; сколько же этакихъ дѣянiй, по которымъ дѣлать нѣтъ? Я говорю собственно о блудодѣянiи. Оно очевидно происходитъ отъ принужденныхъ и неровныхъ браковъ. Семейство и основанiе его—бракъ въ нашъ вѣкъ подрываются въ существенныхъ ихъ условiяхъ, а между тѣмъ даже и нѣкоторые существующiе законы болѣе и болѣе ветшаютъ и даже осмѣиваются. Союзъ семейственный находится въ открытомъ противорѣчii съ системою общественнаго воспитанiя, общественной службы и въ различii значенiя по возрасту и по власти. Справедливо, условiя брачнаго союза должны быть инаковы. У насъ они еще тѣмъ стѣснительнѣе, что зависятъ отъ родства въ весьма отдаленныхъ степеняхъ.

Я не знаю ни одной мѣры, принятой правительствомъ для предупрежденiя и искорененiя бродяжнества. Напротивъ, издавались постановленiя, поощряющiя этотъ непрерывный переходъ людей съ мѣста на мѣсто. Сюда я отношу прощение пришельцевъ въ Новороссiйскiй край, прощение бродягъ въ Западныхъ губернiяхъ и подобную мѣру, принятую по губернiямъ Сѣвернымъ. Эти льготы существовали на



время, но въ народной памяти оставались онѣ весьма долго послѣ ихъ прекращенія, и всякая льгота была поводомъ къ значительному увеличенію бродягъ. Въ Сибири бродятъ цѣлые народы. Почему бы не подтверждать объ этомъ отъ времени до времени, чрезъ земскую полицію, чрезъ чтеніе на базарахъ и въ церквахъ, почему не поугатъ съѣздить въ какую нибудь деревню или волость и не объявить о послѣдствіяхъ открытія чрезъ губернскія вѣдомости; почему не назначить награды за обнаруженіе безпаспортнаго, возложя это не на становыхъ и не на военныхъ или горнозаводскихъ, которые, войдутъ въ сдѣлки, а на всякаго—да объявить объ этомъ всѣмъ и каждому, чтобы знали. Еще управлявшій Министерствомъ Вн. Д. графъ Строгановъ настаивалъ о клейменіи бродягъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Уложенія Л. А. Перовскій предлагалъ тоже. Тогда, по моему мнѣнію, клейменные бродяги сдѣлались бы открытыми разбойниками.

\*

Четыре человѣка, бывшіе сегодня у меня, принесли мнѣ четыре или шесть новостей: Министромъ Юстиціи назначены кн. П. П. Гагаринъ. Назначенъ Дмитр. Петр. Бутурлинъ. Назначенъ баронъ Модестъ Андреев. Корфъ. Назначенъ Никол. Михайлов. Лонгиновъ.

И всѣмъ этимъ людямъ очень нужно знать это, еще нужнѣе врать и всего нужнѣе повторять враки. Но эти толки очень ужъ скучны. На каждомъ шагу чувствуешь отсутствіе хозяина. Я не думаю, что бы Государь пропустилъ это безъ вниманія. Недостатокъ-ли кредита, непріятность-ли личныхъ столкновеній или неполученіе Александровской ленты заставляютъ графа Панина удаляться отъ управления: не подлежитъ сомнѣнію то, что это удаленіе весьма вредно. Многіе говорятъ, что министръ юстиціи вреднѣе. Такъ измѣнить учрежденіе судебной части. Въ настоящемъ его видѣ министръ юстиціи есть глава, а не прокуроръ общаго собранія: В. А. Шереметевъ, открыто отзывающійся, что, какъ вѣрноподанный и благородный человѣкъ, онъ не приметъ министерства, справедливо замѣчаетъ, что для поднятія судебной части въ мнѣніи и для устройства ея безъ помѣхи отъ другихъ и съ пріобрѣтеніемъ довѣрія Государя, надобно назначить министромъ юстиціи графа Орлова, графа Клейнмихеля и т. п.

Государь прислалъ изъ Неаполя одинъ журналъ (по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ Саратовской губерніи при посѣвѣ картофеля) на которомъ написалъ: хочу знать, отъ чего это дѣло производилось такъ долго, между тѣмъ наказаніе виновныхъ требовало немедленнаго при-

мѣра. Неужели Государь замѣтилъ медленность только по этому дѣлу, или это предупрежденіе министра юстиціи, который видѣлся съ нимъ въ Неаполѣ?

\*

Къ новому году у насъ вышли награды. Я долженъ въ сотый разъ повторить, что награды вредны, доставляя удовольствіе весьма малому числу и неудовольствіе большому или всѣмъ, даже награжденнымъ завистливымъ. Въ подобныхъ наградахъ есть всегда несправедливость, и надобно быть очень высоко, очень осмотрительну и справедливу, чтобы уменьшить (не скажу предупредить) поводы къ ропоту. Награда есть воздаяніе труда, а трудъ долженъ быть равенъ. Уравняйте трудъ. Награда есть отличіе таланта, знаменуемаго доблестнымъ дѣломъ,—а доблесть утверждается мнѣніемъ всѣхъ или многихъ. Дайте таланту соотвѣтствующее значеніе и кругъ дѣйствія: вотъ ему награда на служебномъ поприщѣ. Я думаю, что у насъ всего болѣе должно награждать постоянное усердіе. Извѣстное число лѣтъ на одномъ мѣстѣ, удовлетворительно отправляемомъ, должно давать право на награду, которая бы обезпечивала будущую участь. Награды сіи должны быть соразмѣрены (по извѣстнымъ срокамъ лѣтъ 10. 15. 20. 25. 30) съ занимаемыми должностями. Это имѣло бы полезное вліяніе на солидность, усердіе и честность чиновниковъ, значительно уменьшило проски и произвольныя милости.

\*

Путешествіе Государя продолжается. Изъ Палермо въ Неаполь, изъ Неаполя въ Римъ (6 Декабря, день Николая, на пути во Флоренцію). Журнальныя колонны наполнены извѣстіями о его пребываніи, о его прекрасной наружности, щедрости, обходительности съ народомъ и о быстротѣ его перѣздовъ. Въ Неаполѣ и Римѣ сдѣланы большіе заказы, роздано много вспомоцествованій, осмотрѣны замѣчательныя виды, зданія и коллекціи. Охуждаютъ злые языки, что все какъ-то пусто, что не уловишь словечка, отвѣта достойнаго великаго Государя и что вездѣ идетъ рѣчь о нарядахъ, роскоши и развлеченіяхъ. Я не знаю, можно ли тутъ сказать что нибудь вѣрное, хотя нельзя подуматъ, что вся эта поѣздка восточнаго властелина на Западъ, связь съ Неаполитанскимъ королемъ (трактатъ), свиданіе съ Папой, должны имѣть значеніе въ общемъ мнѣніи Европейскаго общества, должны оставить глубокіе слѣды въ художественномъ мірѣ и поколебать разные слухи, такъ громко разнесшіеся въ послѣдніе годы. Съ другой стороны я даже радъ тому, что Государь взялъ продолжительный отдыхъ. Освѣжившись, онъ пріѣдетъ съ новой энергіей, съ новыми предположеніями и,

можетъ быть, иное кончить, какъ напр. Остзейское дѣло, другое упрочить, какъ напр. отношенія крѣпостныхъ, а третье начать. Можетъ быть, замѣчательное устройство судебной части въ Неаполитанскомъ королевствѣ дастъ ему мысль объ улучшеніи ея въ Россіи, мысль родитъ приказъ: „поведѣ и создашася“. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить.

Не сомнѣваюсь я, что общія, коренныя преобразованія въ уголовномъ правосудіи въ Европѣ занесутъ и къ намъ эти мысли. Юность зрѣетъ, почва готовится, время посѣва благоприятно. Я не знаю государства, въ которомъ бы не возникало вопроса объ этомъ важномъ дѣлѣ. Рѣшительныя и совѣщательныя собранія представителей преимущественно и иногда исключительно заняты имъ. Изустность, гласность и присяжные въ каждой рѣчи и голосѣ. Виртембергъ сдѣлалъ попытку; Баденъ еще шагъ впередъ; въ непродолжительномъ времени надобно ожидать подобнаго въ Баваріи, Венгріи, Брауншвейгѣ, Голштиніи, Пруссіи. Существенные предметы споровъ: составъ низшихъ инстанцій—одноличное или коллегіальное; форма производства—обвинительная или слѣдственная; орудіе изслѣдованія—инквиритъ или слѣдственный судья по требованію прокурора; производство суда—гласное или условное или негласное, письменное, изустное или пополамъ; введеніе или невведеніе присяжныхъ; теорія доказательствъ субъективная, объективная или обоюдная, отрицательная, апелляція общая, или ограниченная, или кассация.

\*

Я не понимаю суда присяжныхъ безъ участія въ опредѣленіи наказаній и при назначеніи въ законѣ видовъ и мѣръ наказаній. Это судъ народный, выраженіе демократическаго начала, учрежденіе болѣе политическое, нежели судебное. Тамъ гдѣ для проявленія жизни не будетъ другихъ органовъ, другихъ путей легальной оппозиціи, тамъ судъ присяжныхъ будетъ игралищемъ, неприличнымъ поприщемъ борьбы общества съ правительствомъ. Я не совѣтую вводить его даже въ аристократическихъ республикахъ и сомнѣваюсь, чтобы Женева нашла свои выгоды въ этой попыткѣ. Франція недовольна своими присланными. Въ Прусскихъ Рейнскихъ провинціяхъ хвалятъ судъ потому, что его нѣтъ въ самой Пруссіи. Въ Баваріи объ немъ молчатъ. Одна Англія можетъ быть имъ довольна.

\*

Я забылъ помянуть въ Дняхъ и Трудахъ моихъ недавно умершаго Русскаго человѣка, сдѣлавшагося почти иностранцемъ: А. И. Тургенева. Онъ принадлежалъ къ талантливому поколѣнію и пользовался

славою отлично-яснаго и быстрого ума. Нѣкоторые изъ трудовъ его по службѣ въ Министерствѣ духовныхъ дѣлъ и Государственномъ Совѣтѣ, нѣкоторыя изрѣченія его, до сихъ поръ живутъ въ памяти. Сколько мнѣ извѣстно, ему не доставало терпѣнія и постоянства. Въ послѣднія годы онъ, какъ выбитый изъ сѣдла, немного растерялся и, не надѣясь получить значеніе (значеніе политическое) впаль въ маніе de protéger \*). Образованность и легкая, любознательная привязанность къ наглядному изученію дали ему обширное знакомство въ чужихъ краяхъ; въ Россіи онъ поддерживалъ старыя связи. Послѣ исторіи брата онъ большею частію жилъ за границею; продолжительное пребываніе свое онъ оправдалъ собраніемъ иностранныхъ источниковъ нашей Исторіи. Такъ умны и важны самыя междудѣльные занятія этого человѣка. Я его совершенно не зналъ. Чтò мнѣ извѣстно изъ его работъ показываетъ начитанность и знаніе, какихъ не имѣли его сослуживцы. Его хоронилъ Филаретъ. Общее участіе слѣдовало за прахомъ. Онъ умеръ въ Москвѣ.

*(Дальше будетъ).*



---

\*) Стрась покровительствовать.